

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»

Кафедра библейско-богословских дисциплин

протоиерей Александр Москалев

ФЕНОМЕН СТАРЧЕСТВА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Выпускная квалификационная работа
Бакалаврская работа

Направление подготовки
«Подготовка служителей и религиозного персонала
религиозных организаций»

Направленность (профиль)
«Подготовка служителей и религиозного персонала
православного вероисповедания»

Новокузнецк
2018

Работа выполнена на кафедре библейско-богословских дисциплин Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

Научный руководитель – канд. богосл. протоиерей Роман Цап

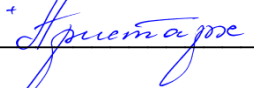
Официальный рецензент – канд. богосл. иеромонах Андрей (Чудинов)

Работа допускается к защите
Заведующий кафедрой /канд. богосл. иеромонах Андрей (Чудинов)
подпись

«18» мая 2018 года

Защита состоится «15» июня 2018 года

Оценка защиты выпускной квалификационной работы
Аттестационной комиссией «хорошо»
оценка

Председатель АК /канд. богосл. митрополит Аристарх
(Смирнов)

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Старческое служение по Священному Писанию и святоотеческом наследии	9
1.1. Употребление термина «старец» в Священном Писании святоотеческом наследии	9
1.2. Пастырство Господа как образец старческого служения	17
1.3. Служение святых апостолов и мужей апостольских.....	29
Глава 2. Суть старческого служения.....	40
2.1. Монашество как продолжение образа жизни первых христиан	40
2.2. Два рода монашеской жизни и два рода старчества.....	46
2.3. Необходимые качества старца – духовного руководителя и его обязанности	52
2.4. Исповедь помыслов и власть «вязать и решить».....	60
Глава 3. Старческое служение миру и проблема лже- и младостарчества	73
Заключение	89
Библиографический список	92

Введение

Великий защитник полноты и глубины Божественного Откровения, дарованного нам в Евангелии, борец за чистоту и неповрежденность связанного с ним Священного Предания, святитель Иринеи Лионский говорил о первозданном Адаме, что он был сотворен «господином земли и всего на ней», но тем не менее Адам был «еще мал, еще ребенок, и было ему необходимо расти и придти к совершенству»¹. О том же свидетельствуют и другие святые отцы. Так, например, по учению преподобного Максима Исповедника «первый человек был создан в состоянии «потенциального совершенства» по образу Божию Созданный по образу Божию, Адам должен был через свободное направление своей природы и энергии к Богу достигнуть обещанное ему подобие»².

Развитие первозданной человеческой природы должно было быть направлено к Богу, в Нем находя источник и конечную цель всякого движения. Человек не был предоставлен самому себе, не был оставлен Богом, но имел Его своим непосредственным Учителем и Наставником.

Бог предвидел падение человека, но, тем не менее, создал его, установив в Предвечном Совете Божественный план его спасения. Злоупотребив дарованной ему свободной волей, Адам отпал от Бога, направив свое движение не к Богу, а ко злу. Эта ошибка коренилась в непослушании Богу. Вместо Бога тварный мир чувственных объектов стал источником удовольствия и наслаждения для Адама.

Первоначальное взаимоотношение Бога – Творца и Учителя и человека – ученика было нарушено по вине последнего. В чем же заключалась тайна этого нарушенного благословенного союза? В том, что Бог, как Носитель и Источник Божественной Любви, хотел, чтобы человек

¹ Иринеи Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С.122.

² Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993. – С. 151.

использовал дар свободной воли для постоянного восприятия и возрастания в этой Любви, непрестанного возрастания в уподоблении Богу, Который есть Любовь (1Ин. 4:8). Бог нисходил к Своему творению, чтобы быть ему Руководителем и Советником во всем, а Адам, как носитель образа Божия, должен был не только сам возрастать в познании Бога, но и прочее творение привести к Нему. Человек должен был, таким образом, и сам стать Учителем и Путеводителем для всей прочей твари на пути к «обожению».

Говоря о Боге, как непосредственном Наставнике и Учителе первоначального человека, мы можем сказать, что Он был, есть и всегда будет первым и истинным Старцем. В книге пророка Божия Даниила мы находим описание Божества как «Ветхого денми» (Дан. 7:9). Таким образом, именование Бога Старцем имеет в себе библейское основание. Какое же толкование ему дают отцы Церкви? Говоря о почтенной старости среди людей, святой Климент Александрийский обращается к указанному месту в книге пророка Даниила и говорит: «Он (Бог) есть вечный Старец старейший всего существующего»¹. Это верно, как в отношении Бога Отца, так и Бога Сына: «Сын Божий старше всего Своего творения, так что Он стал советником Отцу в Его творении, посему и Он древний»².

Если для людей верно, что «мудрость и рассуждение приобретают зрелость со временем, и многий опыт дает силу возрасту, производя седые власы, прекрасный цветок почтенной мудрости»³, то Богу дано было имя «Ветхий денми» потому, что «Он существует и как вечность, и как время всего, и до дней, и до вечности, и до времени, остается неизменным и является Причиной и вечности, и времени, и дней. Потому Бог изображается и как седой, и как юный: старец означает, что Он – древний и Сущий, юноша же, что Он не стареет; оба они обнаруживают божественную древность:

¹ Климент Александрийский, св. Педагог. – М.: Ставрос, 2011. – С.68.

² Писания мужей апостольских. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. – С.216.

³ Климент Александрийский, св. Строматы. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. – С.286.

старец – первого во времени, а более юный – более изначального по числу»¹.

Поэтому, как Источник всякого бытия и всякой премудрости, Бог может быть назван Старцем старчествующих. «Кто первый в необъятной вечности пресвитер? Кто первый старец? Ветхий Денми Бог, Бог безначальный и безконечный. Сый, достаивающий чести носить Свое собственное имя Пресвитера достаивающихся служить в степени пресвитерства»². Также и «Единородный Сын Божий есть единый истинный Архиерей и Учитель человечества»³. Вот почему обязанности послушника по отношению к старцу, как они изложены у святых отцов, оказываются аналогичными тем, какие имел первозданный человек до падения по отношению к Самому Божеству.

Старчество, как явление в церковной жизни, принято отождествлять с монастырским, но точнее сказать, монашеским пастырством. Но целью данной работы будет показать, что это явление значительно более широкое, имеющее своим непосредственным основанием Божественное Евангелие Господа нашего Иисуса Христа.

Непосредственное водительство Божие по отношению к первозданному человеку в раю есть высочайший образ рассматриваемого предмета. Но отпадение прародителей от Бога разрушило этот союз. Грехопадение первых людей заключалось в потере живой непосредственной связи с Богом и повлекло за собой невежество, т.е. недостаточное знание Бог. Тогда «нечестие и злоба очень долго увеличивались и распространялись среди человечества, а праведность убывала и уменьшалась»⁴. Люди потеряли способность непосредственного Богообщения и «пророки, посланные Богом,

¹ Дионисий Ареопагит, свщмч. О Божественных именах. О мистическом богословии. – СПб., 1994. – С. 295-297.

² Никанор (Бровкович), архиеп. Поучения, беседы, речи. – Одесса: Типография Е.И. Фесенко, 1891. – С. 105.

³ Там же. С. 107.

⁴ Иринеи Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С.85-86.

через Святого Духа учили народ и обращали к Богу их отцов»¹. Но спасение и возвращение потерянного Богообщения стали возможными только с пришествием в мир Господа нашего Иисуса Христа – Сына и Слова Божия.

Святитель Ириней Лионский так говорит о служении Богочеловека и Спасителя нашего Иисуса Христа: «истинный Человек и Чудный Советник и Бог Крепкий (Ис. 9:6) призывал людей к новому союзу с Богом»². Тут же св. муж поясняет, что Чудным Советником Господь может называться по двум причинам. Во-первых, равный по Божеству Богу Отцу, Бог Сын участвовал в Предвечном Совете Пресвятой Троицы, на что указывают слова 1-й главы книги Бытия (1:26), а также пророчество Исайи (9:5 и далее), где будущий Мессия называется «Великого Совета Ангелом». А во-вторых, «Он также наш Советник, дающий совет, не принуждающий как Бог, хотя Он и есть Бог крепок, но дающий совет, чтобы мы оставили невежество и приобрели знание, оставили ошибку и пришли к истине, и оставив развращение прияли непорочность»³.

Актуальность данной работы заключается в непрекращающемся интересе к старческому служению в современном мире. В условиях крайне опасной ситуации потенциального обмана и спекуляций на данную тему, объективный анализ подлинного старчества сложно переоценить.

Объектом данной дипломной работы является православное пастырское душепопечение.

Предметом данной дипломной работы является феномен старчества как часть православного пастырского душепопечения.

Целью настоящей дипломной работы является анализ роли и значения явления старчества в Православной Церкви.

Данная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

1. Выполнить исследование феномена старческого служения по

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 118-119.

Священному Писанию и святоотеческим творениям.

2. Проанализировать суть старчества в его важнейших характерных чертах.

3. Выявить особую роль старческого служения миру и обозначить проблему лже- и младостарчества.

По своей **структуре** работа состоит из введения, основной части из трех глав, заключения и библиографического списка. Во введении определены объект, предмет, цель и задачи исследования. Первая глава посвящена описанию феномена старчества согласно Библии и трудам святых отцов. Во второй главе выполнен анализ и систематизация сути старческого служения. Задача третьей главы заключается в определении значения старчества в православной Церкви и рассмотрение проблемы истинного и ложного старчества (младостарчества) в контексте истории Церкви и современной жизни православных христиан. В заключении подведены основные итоги работы.

Для проведения компетентного и объективного анализа явления старчества были использованы следующие **источники**: общепризнанные православные труды святых отцов и подвижников Церкви духовно-нравственного и пастырского характера, например, святителя Василия Великого, святителя Афанасия Великого, святителя Иоанна Златоуста, преподобного Иоанна Кассиана Римлянина и других. Также, с целью приведения современного взгляда на особенности пастырского служения использованы сочинения преподобного Паисия Святогорца, митрополита Антония Сурожского, архиепископа Василия (Кривошеина) и т.д. Были использованы следующие методы исследования: анализ письменных источников, сопоставление, обобщение, систематизация.

Глава 1. Старческое служение по Священному Писанию и святоотеческом наследии

1.1. Употребление термина «старец» в Священном Писании святоотеческом наследии

Церковно-славянскому и русскому слову «старец» в древнегреческом языке соответствует, по крайней мере, два понятия.

Из них только первое нашло применение в Священном Писании Ветхого и Нового Завета в их греческом переводе, но в святоотеческой письменности применялись оба термина, с тем, однако, различием, что первый был отождествлен с церковной иерархической степенью, а последний преимущественно употреблялся для обозначения опытных монахов-наставников в духовной брани и жизни христианской. Однако такое разграничение понятий произошло в церковной истории далеко не сразу. В разные времена и у разных отцов эти термины принимали разные смысловые оттенки.

Так, например, святой Климент Александрийский называл Самого Бога «Вечным Старцем»¹. Но больше всего употреблялся данный термин в описаниях житий древних монахов-пустынников и в их наставлениях. Основное значение термина «старец» согласно этому справочнику – это «старый», как титул почтенности и достоинства.

Таким образом, мы видим, что по своему первому, основному (чисто филологическому) значению и употреблению рассматриваемые нами термины практически совпадают.

В Ветхом Завете и христианстве «старец» могло принимать два значения, часто соединявшихся в одном лице, – возраста и должности. В ветхозаветной традиции термин появляется, по-видимому, в наиболее древних патриархальных временах, когда «старцы» выступали как представители больших семейств и всего народа. Так, пророк Моисей по

¹ Климент Александрийский, св. Педагог. – М.: Ставрос, 2011. – С.70.

повелению Божию собрал старцев израильских для объявления о грядущем избавлении от плена (Исх. 3:16; 4:29) и идет с ними к фараону (Исх. 12:21); у Синая они принимают откровения Яхве из уст Моисея (Исх. 19:7); здесь же 70 старцев видят славу Божию (Исх. 24:1,9).

В целом, несомненна тенденция усвоения старцам авторитета в руководстве всем народом. Так, в книге Чисел мы видим, как Моисей по повелению Божию назначает 70 старцев, с которыми он разделит тяготы в руководстве народом после того, как Бог наделил каждого из них даром от того Духа, Который почивал на Моисее.

Институт старцев (или старейшин) сохраняется и в эпоху Судей и Царей, и во времена Вавилонского плена, и по возвращении из него. В их руках находились политические, военные и судебные вопросы, на общих собраниях старцев разных областей принимались общие решения. Священное Писание часто называет их «старцы Израильские» (4Цар. 3:17; 5:3 и др.).

Во Второзаконии им приписывается четко определенная законная власть на основе древних традиций. Кроме судейских и административных обязанностей упоминается и о назидательном, учительном их служении: «вопроси старцы твоя и рекут тебе» (Втор. 32:7).

Во время плена старцы приобретают особое значение, как исполняющие функцию самоуправления от имени всего народа, причем она сохраняется за ними и по возвращении в землю обетованную. С этого же времени, по-видимому, берет начало орган управления у евреев – «совет старейшин» (2Макк. 1:10; 4:44; 11:27; 1Макк. 7:33; 12:6; 14:20).

Интересно отметить, что со временем этот термин стал означать преимущественно несвященных лиц, в отличие от представителей священнических семейств, т.е. старейшин и книжников.

Однако, несомненно, что с этим термином отождествлялись понятия опыта, мудрости и рассуждения, что отразилось как в вверяемой старцам

ответственности управления народом, так и в литературе Премудрости (Прем. 2:10-12; Притч. 31:23 и др.).

Тот факт, что Господь наш Иисус Христос обличал книжников и фарисеев, указывая на противность заповедей и предания их «старцев» заповедям Божиим (Мф. 15:1-20), указывает на то, что ко времени земной жизни Спасителя эти люди, призванные быть учителями народа Божия, уклонились от служения Богу, искали славы человеческой (Ин. 5:44), творили дела и похоти отца лжи – дьявола (Ин. 8:44), почему и отвергли Христа и предали на распятие (Лк. 9:22). Однако многое из того, чему они учили, было заимствовано из закона Божия, почему Спаситель и призывал учеников следовать их словам, но не делам.

В Деяниях Апостольских «старец» употребляется как в отношении старейшин израильских, гнавших Господа (Деян. 4:5; 4:8; 4:23) и первых христиан (Деян. 6:12; 24:1; 25:15), так и к предстоятелям первых христианских общин в Иерусалиме (Деян. 11:30; 15:2,4,6,22,23) и в других местах (Деян. 14:23; 16:4; 20:17).

В посланиях апостольских находим множество свидетельств о пастырском служении первых христианских пресвитеров. (Иак.5:14; 1Петр. 5:15; 1Тим. 4:14; Тит. 1:5; 1Тим. 5:17 и др.). Причем «во времена апостолов пресвитерами часто назывались епископы и наоборот, не в смысле обозначения иерархической степени, а лишь в древнем общенарицательном смысле слов «епископ» и «пресвитер» для указания на личные качества, обозначаемые этими словами в буквальном их смысле»¹. Об этом мы имеем свидетельство древних учителей Церкви Иоанна Златоуста, Максима Исповедника и других.

Но для нас особенно важным представляется употребление этого термина апостолом Петром в применении к самому себе (1Петр. 5:1). При этом в последующих словах апостол как бы разъясняет новый, главный

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 188.

смысл этого термина в новую христианскую эпоху. Называя себя «со-старцем» апостол Петр добавляет: «и свидетель Христовым страstem, иже и хотящей славе явится общник» (1Петр. 5:1).

Таким образом, в своем соборном послании обращаясь к пресвитерам – предстоятелям многих христианских общин, Апостол, можно сказать, дает определение не внешних (и потому могущих меняться с течением времени и обстоятельств жизни) черт пресвитера – пастыря, но главных, духовных, непреходящих характеристик истинного старца. Ими являются свидетельство о Христе Спасителе, о деле искупления Им совершенном и причастие Его Божественной славе, то есть благодати Духа Святого. Святой апостол Павел, например, стал свидетелем Христовым уже после вознесения Спасителя на небо, но свидетельство его было полноценно и истинно. Это потому, что Апостол был исполнен Духа Святого, о Котором Господь сказал, что «Он наставит вас на всякую истину. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам» (Ин. 16:13;17).

Таким образом, истинное свидетельство о Христе Спасителе и причастие Божественной славы есть дары Святого Духа. Почему и ближайшим ученикам Своим Господь сказал: «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16:12) и обещал полноту наставления через «иного Утешителя» (Ин. 14:16), третью Ипостась Святой Троицы – Духа Святого.

Термин пресвитер «у ранних писателей наиболее часто встречается в смысле уважаемого, почтенного человека на основе возраста или авторитета в Церкви, и могло означать апостола, члена собрания епископов, «монархического» епископа, учителя, свидетеля ранней церковной традиции или любого уважаемого члена Церкви; трудно провести грань между таким общим использованием термина и его техническим применением для

обозначения представителя конкретной иерархической степени»¹.

В подстрочнике к своему переводу первого послания свт. Климента Римского к Коринфянам прот. П. Преображенский отмечает, что «под пресвитерами понимаются здесь предстоятели Церкви вообще, без различия степеней, как это часто встречается и в книге «Пастырь»². По многим местам послания, однако, ясно, что пресвитеры были непосредственно связаны с евхаристическим служением. В главах 40-43 они рассматриваются как продолжатели служения ветхозаветного священства.

В «Пастыре» Ермы управление общиной принадлежит совету пресвитеров, которые включают епископов и диаконов. Они являются пастырями стада и имеют свое происхождение от епископов. «Чин же пресвитера (как второй степени в иерархии Церкви) заключается у Ермы в общем имени епископов»³.

В посланиях святого мученика Игнатия Богоносца пресвитеры выступают только как представители второй ступени в трехсоставной иерархии. Но в контексте нашей работы особенный интерес представляет следующее сравнение святителя: «последуйте епископу как Иисус Христос – Отцу, а пресвитерам как апостолам»⁴, где пресвитерское служение отождествляется с апостольским, а в качестве примера послушания для верных берется пример Самого Господа Иисуса Христа.

Письмо св. Поликарпа к Филиппийцам дает в основном схожую картину иерархического устройства в Церкви. Причем в гл. 6 здесь дается описание обязанностей пресвитеров, которые должны быть «милостивы ко всем, обращать заблуждающих, посещать всякого немощного»⁵. Здесь же ясно говорится об их судейских полномочиях, причем они призываются не

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 189.

² Писания мужей апостольских. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. – С. 109.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 324.

быть «жестокими на суде, зная, что мы все должники греха. И потому, если молим Господа, чтобы Он простил нас, то и мы должны прощать»¹. Служение пресвитеров выводится непосредственно от Господа и Его апостолов.

Особенно важным для нашей работы примером употребления термина «пресвитер» является его использование у таких учителей Церкви, как свщмч. Папий Иерапольский, свт. Иринея, Климент Александрийский, св. Ипполит. Здесь «пресвитер» (в ед. и множ. числе) означает не титул иерархической степени, но используется как «термин для членов старшего поколения, которые рассматриваются «как хранители истинного предания и надежные учителя»².

Так священномученик Папий говорил: «и если случалось придти кому-либо, кто действительно был последователем старцев, я расспрашивал у них относительно слов старцев, что Андрей и что Петр говорили, и что Филипп, или что Фома или Иаков, или Иоанн и Матфей или любой другой из учеников Господа ибо я держался мнения, что знания, взятые из книг, не принесут мне такой пользы, как те, которые передаются голосом, который живет и пребывает»³.

Думается, неверным является замечание протестантских ученых, составителей использованного нами для цитат богословского словаря Нового Завета, о том, что в вышеприведенной цитате речь идет не об апостолах Христовых, а об их учениках. Достаточно свидетельства самого Папия, что речь идет о «учениках Господа». Приведенный же авторами аргумент, что свт. Иринея использовал это термин для учеников апостолов, говорит только о возможности применять его для всех верных хранителей Предания Церкви.

Та же школа старцев, начальные замечания о которой находим у

¹ Писания мужей апостольских. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. – С. 324.

² Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 51.

³ Цит. по: Иринея Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С.676-677.

свщмч. Папия, встречается в подробном описании у свт. Иринея, который использовал пять книг Папия и прямо приписывает значительное число вероучительных доктрин «старцам»¹. Ириней называет их «учениками апостолов». Один из них был Поликарп «блаженный и апостольский старец»². Будучи молодым человеком Ириней слышал его рассказы о беседах с апостолом Господним Иоанном и другими видевшими Господа и их воспоминания о чудесах и учении Спасителя. Папий также, хотя и был известен Ириною только по его работам, включен в число слышавших Иоанна и называется им соратником Поликарпа и мужем древним³.

Старцы у Иринея не только свидетели земной жизни Христа Спасителя, но также «учительные авторитеты» как в отношении Св. Писания, так и относительно вероучительных догматов (особенно эсхатологических, которые были в то время предметом борьбы с еретиками)⁴. Нужно отметить значительную роль, которую сыграли «старцы» в развитии и закреплении канона Священного Писания. Только в их школе можно было узнать правильное чтение и толкование Писания, которое вело к правильному вероучению. Святитель Ириней проводит резкую грань между этими истинными и ложными старцами и подчеркивает авторитет первых и необходимость послушания им, приписывая им апостольское предание не только в учении, но и в благодати⁵.

В таком же смысле говорит о старцах святой Климент Александрийский, а именно, как об учителях прошлого, которые «сохранили истинное предание блаженного учения, которое они получили от св.

¹ Ириней Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С. 677.

² Евсевий Кесарийский. Церковная история. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. – С. 126.

³ Ириней Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С. 678.

⁴ Там же. С. 678.

⁵ Там же. С. 678.

апостолов Петра и Иакова, Иоанна и Павла, как дети от отца и так дошли с Божией помощью даже до нас, чтобы насадить патриархальное и апостольское семя (в нас)»¹.

Таким образом, можно обобщить свидетельства Священного Писания, святых отцов и учителей Церкви, что старческое служение, в его наиболее глубоком, сущностном понимании, есть харизматическое служение, служение, совершаемое Самим Духом Святым в достойных преемниках св. апостолов и учеников Христа Спасителя, служение свидетельства о Богочеловеке Иисусе Христе не словом только, но в силе и Духе, «Которого Бог дал повинующимся Ему» (Деян. 5:32).

Великий учитель Церкви святитель Василий Кесарийский, будучи епископом Церкви и, в то же время, основателем группы монашеских общин, для обозначения предстоятеля как церковной, так и монашеской общины, часто использовал один и тот же термин. При этом несомненно, что святитель характеризовал вверяемое ему служение как харизматическое. Ибо «проэстос» есть «сосуд (инструмент) Божественного избрания, который Господь Сам призывает и избирает наподобие того, как Он избирает царей, пророков и апостолов². Подобно апостолам «проэстос (настоятель) посылается Самим Христом, чтобы вести и учить тех, кто встает на путь спасения, уловлять людей для Господа и исправлять их немощи. Ему даруется благодать (харизма) учения, толкования и служения слова, посредством которой он строит и формирует христианскую общину, являясь пастырем и духовным отцом всех ее членов. Словом, а еще более собственным примером, настоятель руководит христиан ко всякому благу, но должен как бы скрыть себя за своим свидетельством, которое есть «не только записанное свидетельство Писания, но также Сам Христос, Божественный

¹ Климент Александрийский, св. Строматы. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. – С.121.

² Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С.52.

Логос»¹.

Однако, как для мужских, так и женских монашеских общин, святитель использовал и другие термины для обозначения их руководителей. Среди них был термин «старец» («старица»), под которым понимались, по видимому, старшие члены общины, действовавшие в сотрудничестве с ее настоятелем. Очевидно, что термин старец (старица) означал не только (и, может быть, не столько) возраст человека, но духовную зрелость, ибо в нескольких местах свт. Василий использует «пресвитерос» для обозначения авторитета².

Истинный старец должен, таким образом, по образу св. апостолов быть таким проповедником Евангелия Христова, чтобы «быть Его устами», иметь «Христа, Истинное Слово, говорящим в себе», предоставить свой голос Духу Святому, чтобы Дух Христов «мог написать слова жизни вечной в сердцах верных», чтобы он мог вместе с пророком сказать: «я возвещаю вам благовестие, которому научил меня Дух, и ничего не говорю от себя самого, ничего человеческого»³.

1.2. Пастырство Господа как образец старческого служения

В пастырском богословии всегда признавалась очевидная для всякого христианина, засвидетельствованная в Евангелии Самим Господом Иисусом Христом, истина, что Он, как «Пастырь добрый», всегда будет являться «не только Виновником и Основателем христианского пастырства, но и его величайшим образцом и высочайшим идеалом»⁴. Он есть «Пастырь овец великий» (Евр.13:20), а также «Пастыреначальник» (1Петр.5:4) по отношению ко всем христианским пастырям, пасущим стадо овец словесных в Церкви, Главой которой является Сам Христос.

Различные стороны пастырского служения Богочеловека Иисуса

¹ Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С.66.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 84.

⁴ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С.79.

Христа на земле были рассмотрены с достаточной подробностью в различных монографиях и лекционных курсах. Нашей же задачей будет выделить именно те черты пастырства Спасителя, которые послужили образцом для старческого служения в Церкви Христовой.

Наиболее яркими характерными чертами последнего является, несомненно, достаточно постоянное и тесное общение ученика и старца, основанное на полном доверии первого ко второму и взаимной любви по Богу, а также полное отсечение послушником собственной воли, вплоть до мелочей. Целью этого союза является очищение внутреннего человека от страстей и похотей, достижение по возможности «непосредственного богообщения»¹, воссоздание и «обожение»² падшей человеческой природы.

В пастырском служении Господа нашего Иисуса Христа обычно принято выделять учительный и искупительный подвиг. Но цель самого Боговоплощения и всего земного пути Подвигоположника Христа была единой, а именно «воссоздание человечества, необходимым условием которого является свободное нравственное преобразование человека»³.

Заповеди блаженства, вся нагорная проповедь и все учение Спасителя говорят о необходимости именно внутреннего, духовного перерождения человека. Противопоставляя ветхозаветным заповедям новозаветные, Христос указывает на необходимость трезвенной аскетической борьбы за чистоту сердца, и с великой силой обрисовав недостаточность ветхозаветной нравственной системы, призывает к совершенству по подобию Отца Небесного (Мф.6:14). И для усиливающихся жить в соответствии с евангельским идеалом Господь обещал непосредственное богообщение и «обожение»: «кто любит Мене, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин.14:23).

¹ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С.397.

² Там же. С.394.

³ Там же. С.80.

Для того и пришел Сын Божий в мир, чтобы очистить от греха самые сердца людей, чтобы они «жили для правды», и оставив блуждание во тьме пороков «возвратились к Пастырю и Блюстителю душ» своих (1Петр. 2:24-25). При этом, своим учением, жизнью и страданием за нас, Господь как пастырям, так и овцам «оставил пример, дабы мы шли по следам Его» (1Петр.2:21).

В отношении Христа Спасителя к людям можно выделить две группы – группу Его ближайших учеников и прочих людей. Хотя искупительный подвиг Господа был совершен для всего человечества, но Спаситель учил о необходимости веры и личного подвига со стороны каждого человека. Там, где не было веры, Христос не творил чудес исцелений. И это еще раз подчеркивает ту евангельскую истину, что спасение человека не есть что-то внешнее и механическое, но перерождение его души и сердца, что невозможно без личных усилий с его стороны. Ближайших учеников Спасителя несомненно отличала более глубокая вера и любовь ко Господу, чем у прочих людей, многие из которых не нашли в себе сил, оставив все, следовать за Христом постоянно.

По Божеству Своему Господь не нуждался ни в каком укреплении, но как человек, Он конечно же находил утешение при виде плодов Его служения. «Моя пища есть творить волю пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин.4:39), – свидетельствовал Христос.

Апостолы Христовы повсюду следовали за Господом, постоянно возрастая в вере и любви ко Спасителю. И «воспитательное воздействие Спасителя на них было особенное, отличалось постоянством, последовательностью и непосредственностью, – это бесспорно из прямого смысла евангельских сказаний»¹.

В этом тесном духовном общении учеников – будущих апостолов – с их Божественным Учителем видится ясный и великий образец для пастырей

¹ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С.157.

всех времен, но особенно для старческого служения, отличающийся, как уже отмечалось, постоянством и глубиной отношений учителя-старца и ученика. Основанием и движущей силой этого тесного союза являются именно добродетели веры и любви. Послушание является только производной этих главных добродетелей и может служить средством для их испытания и, одновременно, укрепления.

Так, по слову святителя Григория Двоеслова, выражение Спасителя «Я знаю Моя» означает: «Я люблю их»; а «они знают Меня» означает: «те, кто любит, послушны»¹. Также святитель Иоанн Златоуст говорит, что «доказательством любви служит повиновение заповедям»². Эта истина засвидетельствована и Самим Господом: «кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое» (Ин.14:23).

«При воспитании двенадцати, применительно к их будущему служению, заботливость Господа направлялась вообще к тому, чтобы освободить их от плотских стремлений и обычаев»³, которые столь присущи сердцу человеческому. Необычное внимание Своим ближайшим ученикам Спаситель уделял, зная, какое «особенное чрезвычайное значение должно было принадлежать Его апостолам в Царствии Божием; они предназначались быть Его возлюбленными «друзьями», ближайшими помощниками и сотрудниками при Его жизни на земле и непосредственными продолжателями Его дела после Его отшествия ко Отцу. Они должны были постепенно подготовиться к тому, чтобы сделаться «носителями» «тайн Царствия Божия» (Мк.4:11)⁴.

В беседе на евангельский текст об умовении ног Спасителем Своим ученикам святитель Иоанн Златоуст говорит, что Христос называет их

¹ Григорий Двоеслов, свт. Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. – М.: Сибирская благовонница, 2012. – С.56.

² Иоанн Златоуст, свт. Собрание сочинений. Беседы на Евангелие от св. Иоанна. – Почаев: Изд-во Свято-Почаевской Успенской Лавры, 2005. – Т.8. – С.501.

³ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 157.

⁴ Там же. С. 105.

«Своими» по Своему близкому с ними общению. И хотя все создание для Него как Творца мира «Свое», но здесь евангелист, говоря «до конца возлюби их» (Ин.13:1), свидетельствует об «особенно сильной любви»¹ Господа к Своим ближайшим ученикам. Во всем видна Его «великая заботливость об учениках и неизреченная любовь Его к ним»².

А на пререкание Петра святитель дает следующее пояснение: «Поскольку же Петр поступал так по великой любви, то и Христос опять уловляет его тою любовью»³. И, вообще, Спаситель обновил еще ветхозаветную заповедь о любви, «сделал ее новою по самому образцу», Сам дав пример для всех. И не случайно «отличительным признаком» Своих учеников Господь «поставляет любовь»⁴. Ибо Он Сам первый «начал любить», «Он открыл тайны, Он первый даровал им великие блага, Он за них подвергся страданиям», чтобы «привлечь их к дружеству»⁵.

Таким образом, Божественная Любовь была не только главным мотивом пришествия в мир Бога Слова, Его воплощения и крестных страданий во искупление рода человеческого, но также средством воздействия на помраченные грехом сердца людей, их духовного пробуждения и перерождения.

«Он любил не для своей пользы, потому что ни в чем не нуждался, но в любви, из-за которой Он умер за овцы, Он показал, как сильно Он любит Отца»⁶. То есть Спаситель действовал в согласии с полнотой Божественной любви, живущей в Нем, а также потому что любовь есть величайшая сила в духовно-нравственном преображении человека. «Велика, по истине, сила любви: она устраняет душу от всего и привязывает к любимому предмету. Если мы так возлюбим Христа, то все здешнее будет казаться нам тенью,

¹ Иоанн Златоуст, свт. Собрание сочинений. Беседы на Евангелие от св. Иоанна. – Почаев: Изд-во Свято-Почаевской Успенской Лавры, 2005. – Т.8. – С. 468.

² Там же. С. 469.

³ Там же. С. 471.

⁴ Там же. С. 484.

⁵ Там же. С. 513.

⁶ Там же. С. 509.

призраком и сном»¹.

Бесконечность Его великой любви, глубина Его смирения приближали Его к людям более, чем что-либо другое, сострадание Его милующего сердца отогревало от ледяной коросты сердца закоренелых грешников. Эта же любовь была причиной того, что Христос «проявил высочайшее самоотречение, самопреданность, готовность на всякого рода самопожертвование», вплоть до крестной смерти за грехи людей. В течение Своего общественного служения Спаситель «не пользовался даже обычными житейскими удобствами, не имея постоянного приюта»², не ограничивал Своей пастырской деятельности ни местом, ни временем. «Желающие имели доступ к Нему во всякое время дня и ночи (Ин.3:2). И во всех этих самых разнообразных случаях Христа Спасителя не покидали никогда – Его необычайное величавое спокойствие, Его поразительное терпение и никогда не оскудевающая всепрощающая любовь»³.

Но Его кротость и терпение никогда не переходили в слабость или попустительство, потворство греху. «Мягкость и нежность Его характера были соединены с твердостью и постоянством»⁴. По слову святителя Иоанна Златоуста, «Господь, беседовавший в большинстве с учениками с кротостью, в некоторых случаях употребляет строгость в слове, и иногда ублажает их, а иногда порицает»⁵.

Все эти качества особенно ярко обнаружили в отношениях Спасителя к Его ближайшим ученикам. «Христос с непоколебимым терпением вразумлял учеников, постепенно пробуждая и оживляя их окаменелое сердце». В сообщении Своим ученикам Божественных истин

¹ Иоанн Златоуст, свт. Собрание сочинений. Беседы на Евангелие от св. Иоанна. – Почаев: Изд-во Свято-Почаевской Успенской Лавры, 2005. – Т.8. – С. 596.

² Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 95.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005. – Т.2. – С.729.

Спаситель «соблюдал мудрую постепенность, применялся к их постепенно усовершенствовавшейся духовной восприимчивости»¹. Причем Господь в отношениях с учениками пользовался разными методами и приемами, в соответствии с различными индивидуальными особенностями апостолов, применяясь к их духовным дарованиям, темпераменту, характеру и т. д.

Ученики Христовы, в свою очередь, были во всем послушны Господу, начиная с того, что, оставив все, последовали за Ним повсюду. Они исполняли все Его поручения, назидались Его примером и наставлениями, имели возможность «во всякое время спрашивать своего Божественного Учителя, искать решения всякого сомнения, недоумения»². «Без притчи же (Он) не говорил (народу), а ученикам наедине изъяснял все» (Мк. 4:34).

Наставления Спасителя ученикам подчас принимали весьма детальный характер (например, при отправлении их на проповедь – Мф. 10:5-14; Мк. 6:7-13; Лк. 9:1-16). И хотя Господь не давал им строгих правил относительно поста (Мф. 9:14-17; Мк. 2:18-22; Лк. 5:33-39), то только потому, что во всем соблюдал последовательность и постепенность. Несомненно, что сам образ жизни ближайших учеников Господа при Нем был подвижнический, ибо, если Спаситель «не имел где главы подклонить», то, несомненно, и ученики разделяли с Ним многие тяготы земной жизни Подвигоположника Христа. Так Златоуст замечает об апостолах, подкреплявшихся зернами из колосьев в субботу: «Ты подивись ученикам, которые столько были воздержны, что вовсе не имели попечения о вещах телесных, но мимоходом приобщались телесной трапезы, и несмотря на то, что истаевали всегдашним голодом, не отступали от Христа»³.

Однако, пока ученики еще не утвердились, не обновились духом, то

¹ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 107.

² Там же. С. 106.

³ Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005. – Т.2. – С.185.

требовали большого снисхождения, почему Господь и не налагал на них тяжких заповедей. Потому и ученикам Своим «Он дал закон и правило, чтобы и они, когда будут принимать в число учеников своих всех живущих по вселенной, обращались с ними с великою кротостию»¹.

Важно, однако, отметить, что Спаситель ни Сам ничего не делал, ни ученикам Своим не заповедывал «ради угождения чрева, но все предпринимал «ради дивного смотрения»² Своего о спасении рода человеческого. Самый главный залог оного присутствовал в Его учениках именно потому, что они восприняли начаток самоотвержения, все оставив смиренно (по большей части) воспринимали от своего Учителя тайны Царствия Божия, во всем советовались с Ним, все делали с Его благословения, практически находились на послушании у Господа.

Но учительное служение Христа Спасителя было частью Его наиглавнейшего дела – искупительного подвига. Ибо, по слову апостола Павла Он есть «Ходатай Бога и человеков давший Себе избавление за всех» (1Тим. 2:5-6). И это служение ходатайства (Рим. 8:34) есть основание Нового Завета (Евр. 9:15). Этот величайший Ходатай «вниде в самое небо, да явится лицу Божию о нас» (Евр. 9:24). О нас ходатайствует Его величайшая Жертва, Которую Он принес однажды на Голгофском кресте за весь род человеческий.

По объяснению Златоуста «Сын стал посредником между Отцом и нами, и умолил Его. Он умер за нас и соделал нас достойными завета»³.

Но чтобы верно понять образный язык Священного Писания, нужна благодать Святого Духа. Чтобы не думать об искупительной жертве чисто в юридическом смысле, примем в учет толкование домостроительства спасения рода нашего согласно преп. Максиму Исповеднику. По его учению первозданный человек «был призван воссоединить в себе всю совокупность

¹ Там же. С. 335.

² Там же. С. 334.

³ Там же. С.144.

тварного бытия; он должен был одновременно достигнуть совершенного единения с Богом и таким образом сообщить состояние обожения всей твари»¹.

Поскольку Адам не справился с целью, данной ему его Творцом, Второе Лицо Святой Троицы – Бог Слово, воплотившись, становится Вторым Адамом, «входит в исторический процесс как Личность» и последовательно осуществляет соединения или «синтезы», преодолевающие как природные, так и греховные разделения, «соблюдая порядок, предложенный первому Адаму»².

Важно отметить, что ни Воплощение, ни Голгофские страдания не были вызваны какой-либо природной необходимостью. «Это не дело природы, но образ домостроительного снисхождения, дело воли, тайна Божественной любви»³.

Именно такое понимание представляется наиболее возвышенным и точным при толковании имени, которым Сам Господь часто именовал Себя: Сын Человеческий. Представляется также несомненным, что Спаситель указывал этим именем на ветхозаветное пророчество книги Даниила о Сыне Человеческом (Деян. 7:9-14), получающем «власть и честь и царство» вечные от Седящего на престоле Ветхого Днями.

В Первосвященнической молитве Христа Спасителя с особенной ясностью отражено ходатайство Богочеловека о Своих учениках (Ин. 17:6-19) и о всех верующих (Ин. 17:20-26).

По слову свт. Кирилла Александрийского, Господь «соблюдал учеников, но совершение этого дела усвоил не человеческой ограниченности, напротив, утверждает, что оно исполнено в Имени Божиим, ставя Себя как бы вне этого дела, поскольку Он был и мыслился (ими) плотию, и в то же

¹ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 2012. – С. 83.

² Там же. С.106, 104.

³ Там же. С.105.

время усвояя Себе силу охранять и совершать Божественные дела, поскольку Он есть Бог от Бога»¹.

Воистину, неизреченна и непостижима в полноте тайна искупления и спасения рода человеческого Господом Иисусом Христом. «Вся тайна домостроительства заключается в истощании и уничтожении Сына Божия»². Бог Отец «возвел нас к Себе через Сына, посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим»³.

И вот это «умаление» (Флп. 2:7) Сына Божия, равночестного по Своей Божественной природе Богу Отцу, Его непостижимое смирение даже до смерти крестной (Флп. 2:8), Его жертвенное самоотвержение и ходатайство пред Богом Отцом. Его взятие на Себя ответственности за нашу вину⁴, Его самоустранение (ибо Он пришел во имя Отца, чтобы «возвестить об Отце») и постоянное уничтожение в течение земной жизни являются, конечно же, никогда не достижимым, высочайшим, но все-таки примером для всякого христианского пастыря и особенно такого, который берет на себя ответственность непосредственного и всецелого руководства душами пасомых (старца). Об этом засвидетельствовал Господь Своим ученикам: «Самого Себя представив образом и примером дела и поставив на вид уже совершенное им с ними, убеждает их подражать своему Учителю и сиять равными же подвигами. Вы должны мыслить и делать по отношению к другим то же, что я уже ранее совершил в отношении к вам»⁵.

Истинный, Всемогущий Бог «ради любви облачился в наше естество»⁶

¹ Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 73.

² Там же. С. 109.

³ Григорий Богослов, свт. Собрание сочинений. Т.2. – М.: Изд-во П.П.Сойкина, 1994. – С.142.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Григорий Богослов, свт. Собрание сочинений. Т.2. – М.: Изд-во П.П.Сойкина, 1994. – С. 120.

⁶ Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 369.

и «ясно указал всеславный путь любви»¹, и, будучи Богом Крепким (Ис. 9:6), не принуждал человека, но явился как «Советник, дающий совет, чтобы мы оставили ошибку и пришли к истине, и оставив развращение, прияли непорочность»². Тем более пастыри, Им поставленные из смертных людей, «назначены для научения слову, не для власти, не для особенного авторитета» и занимают «положение советников», которые говорят «не принуждая слушающего, но оставляя его полным хозяином своего выбора по поводу того, что сказано»³.

Такое определение, на первый взгляд, может показаться не относящимся к служению старца, слова которого должны быть непрекаемым законом для послушника. Но на самом деле это не так, ибо, во-первых, послушник вверяет себя старцу на послушание по своему личному и свободному выбору, а во-вторых, старец ищет от него не формального исполнения сказанного, но внутреннего смиренного согласия со словом старца. Нужно всегда помнить о цели духовно-нравственного союза старца и ученика, который, как уже отмечалось, состоит в приведении последнего к состоянию «обожения». Но по слову преп. Максима Исповедника, только одна Божественная любовь «представляет человека сущим по образу Творца. Ибо нет ничего более богообразного, более таинственного, более возвышающего людей до обожения, чем Божественная любовь»⁴. Именно «таинство любви делает нас из людей богами; сосредотачивая в себе вселенский смысл отдельных заповедей, она, по благоволению Божию, единообразно объемлет им эти заповеди и по

¹ Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993. – С. 151.

² Ириной Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С. 118-119.

³ Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005. – Т.2. – С. 104.

⁴ Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993. – С. 146-147.

Домостроительству (Божиему), распределяет их многообразным образом»¹.

Поэтому и таинство союза старца и ученика по образу союза Божественного Учителя и Воспитателя² с Его ближайшими учениками является таинством Божественной любви. И эта глубинная суть являлась всегда неизменной основой, независимо от форм, какие старческое служение приобретало в разные периоды и при разных внешних обстоятельствах церковной жизни.

«Поскольку в начале диавол, прельстивший человека, через себялюбие злонамеренно заманил его в искусно придуманную ловушку, обманув приражением наслаждения, то он отделил нашу волю от Бога и друг от друга»³. Но Бог «ради любви к нам уничижил Себя Самого, приняв образ раба (Флп. 2:7)» и «Своими страстями» всеславный путь любви «предзапечатлел в Себе и представил его всем» и «убедил нас настолько придерживаться его и друг друга, насколько Он Сам Собою, предвосхищая это, показал, пострадав ради нас»⁴.

Это состояние любви, «наиболее совершенно представленное в самопожертвовании Христа является ключом к объединительной функции восстановления человечества». В этой двусоставной любви (к Богу и к людям), по учению преподобного Максима Исповедника, находится ключ к осознанию человеком своей роли «как посредника, который делает Божественную благодать (вечно) присутствующей в космосе»⁵. Эту задачу, с которой не справился первый Адам, исполнил Новый Адам, Господь Иисус Христос, но Он же благоволил и людям дать возможность уподобляться Ему в этом служении.

Старческое служение, таким образом, является служением посредника

¹ Там же. С. 146.

² Там же. С. 207.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993. – С. 151.

по образу Спасителя и на истинном старце сбываются слова апостола: «сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе» (Флп. 2:5).

1. 3. Служение святых апостолов и мужей апостольских

Посылая Своих ближайших учеников на проповедь Евангелия, Господь наш Иисус Христос сказал им: «Мир вам: якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы. И сие рек, дуну и глагола им: примите Дух Свят» (Ин. 20:21-22).

По объяснению свт. Кирилла Александрийского «в этих словах Господь поставил наставников и учителей вселенной и домостроителей Божественных Его таинств, указуя как апостольское достоинство, так и на несравненную славу данной им власти, а вместе с тем объявляя и путь апостольского служения»¹, которое должно совершаться по образу служения Самого Богочеловека.

Еще прежде Своих крестных страданий, смерти и воскресения Спаситель обещал будущим апостолам: «Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами во век, Дух Истины. Дух Святой, Егоже послет Отец во имя Мое, Той вы научит всему и вспомынет вам вся, яже рех вам» (Ин. 14:16,26).

Важно отметить, что «в словах об откровении всего святым через Духа (Спаситель) не другому отдает их учителю, но Себе Самому предоставляет их через Духа»². Таким образом Третье Лицо Троицы, Святой Дух, «приходит не во имя Свое, но во имя Сына, чтобы свидетельствовать о Сыне, как и Сын пришел во имя Отца, чтобы возвестить об Отце»³.

Сам же Дух Святой «остается Лицом неявленным, сокровенным»⁴, что дает право православным богословам говорить о тайне уничижения,

¹ Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна. – М.: Сибирская благозвонница, 2011. – С.257.

² Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна. – М.: Сибирская благозвонница, 2011. – С. 287.

³ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 2012. – С.120.

⁴ Там же. С. 121.

«кеносиса сходящего в мир Духа»¹, Который, однако, как «самовладычный» (по слову свт. Григория Богослова), сошел в полноте на апостолов в день Пятидесятницы и «создавая единство мистического Тела Христа, действует как Его Помощник»².

Дух Святой, вселяясь в верных учеников Христовых, преобразует их «в обитель Святой Троицы, ибо Отец и Сын нераздельны от Божества Духа»³.

Он есть тот огонь, о Котором Спаситель говорил, что Он пришел «вовреци» Его на землю (Лк. 12:49) сердец человеческих, и Который Он исходатайствовал у Отца для Своих учеников.

Стяжание и усвоение в возможной для человеческой природы полноте благодати Святаго Духа – это и есть «обожение», но завершение этого дела, ради которого «Слово плоть бысть» (Ин. 1:15), зависит и от свободного произволения каждого человека.

«Воля человеческая есть существенное условие. Если ее нет, Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей»⁴. Настолько ценит Господь свободное волеизъявление человеческой личности. И эта синергия, «согласованность двух воль (Божественной и человеческой) продолжается на всех этапах восхождения к Богу. Восточное предание всегда утверждало в синергии одновременность Божественной благодати и человеческой свободы»⁵.

«Вы бо на свободу звани бысте, братие: точию да не свобода ваша в вину плоти, но любовьию работайте друг другу» (Гал. 5:13), говорит апостол Павел, поясняя, что Христос освободил нас от ига рабства закона «не для того, чтобы мы употребляли эту свободу на зло, но, чтобы пользовались ею,

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 127-128.

³ Там же. С. 129.

⁴ Макарий Египетский, прп. Духовные слова и послания. – М.: Благовест, 2002. – С.39.

⁵ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 2012. – С.156.

как средством к получению большей награды», чтобы понести новое иго – иго любви, «которое хотя и крепче первого, но гораздо легче и приятнее»¹.

Это иго Божественной любви восприняли апостолы Христовы от своего Учителя и, особенно возгорелись ею по принятии Духа Святого в день Пятидесятницы. Не случайно, при явлении по Своем Воскресении, Спаситель, обращаясь к апостолу Петру, увязывает воедино любовь, которую имели Христовы ученики к Нему Самому, с любовью к Его стаду, Его овцам словесным (Ин. 21:15-17). «Только эта любовь ко Христу связует пастыря вместе с пасомыми в теснейший, неразрывный союз с Христом Богом»².

От этих общих замечаний перейдем к рассмотрению тех черт и особенностей пастырского служения святых апостолов и мужей апостольских, которые послужили бы подтверждением того, что старческое служение в жизни Церкви имело поистине апостольское основание.

Для этого, в первую очередь, остановимся на Милетской речи апостола Павла к пресвитерам Эфесским, которое среди других его речей «занимает первое место по задушевности, теплоте чувства и отеческой заботливости»³.

С чего же начинает апостол свою речь? «Вы весте, яко от первого дне, отнелиже приидох в Асию, како с вами все время бых, работая Господеви, яко ни в чесом от полезных обинухся, еже сказати вам и научити вас пред людьми и по домом» (Деян.20:18-20). И далее, сказав о своем отшествии и скорой кончине, убеждает пресвитеров бдеть о стаде Христове «поминающе, яко три лети ношь и день не престаях уча со слезами единого кождо вас» (Деян.20:31). Важно также, что общение это было самое тесное.

Эта теснейшая связь была результатом полного самопожертвования, с

¹ Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005. – Т.2. – С.802.

² Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С.190.

³ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С.190.

которым Апостол Павел совершал свое служение. Он сам ставит в пример пресвитерам свою бодрствленность и неутомимость, «труд и изнурение» (1Фес. 2:9). Делал это святой Апостол, конечно же, не из тщеславия, но опять-таки из отеческой любви и заботы о стаде Христовом. Воспоминание живого примера есть великая «сила и источник для подражания, а потому Апостол высоко ценил те случаи, когда замечал усердие к воспоминанию о нем и его учении в своих пасомых (2Фес. 2:5; Еф. 2:11; 2Тим. 2:8)¹.

Пример апостола Павла особенно замечателен тем, что он не был в числе ближайших учеников Спасителя, но, тем не менее, «в своей пастырской деятельности апостол выступал как свидетель Христа. Его учение не было только теоретическою истиною: оно подтверждалось опытом его собственной духовной жизни. Апостол опытом познал Христову истину и удостоился воспринять благо христианского богообщения в высшей, возможной для человека на земле, степени. К той же самой цели он стремился направить и жизнь пасомых.

Пастырские свидетельство и самоотверженные труды апостола Павла были направлены на то, чтобы его ученики так «познали Христа» (Еф. 4:20), чтобы «отложить ветхаго человека, тлеющего в похотех прелестных, обновлятися же духом ума и облещися в нового человека, созданного по Богу в правде и в преподобии истины» (Еф. 4:22-24), всегда «иметь Бога в разуме» (Рим. 1:28), учиться распознавать волю Божию (Рим. 12:2). Такое теоретическое и практическое преобразование «ума» выразительно и всесторонне выражено апостолом как «покаяние к Богу» (Деян. 20:21)².

Таким образом, мы видим, что движимый Божественной любовью апостол Христов самоотверженно нес свое служение, не щадя ни сил, ни времени и не только «рождал» новых христиан благовествованием (1Кор.4:15), но и «со слезами» (Деян. 20:31) назидал и «болезновал»

¹ Там же. С. 231.

² Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 210.

«дондеже вообразится Христос» (Гал. 4:19) в них.

Самим апостолом Павлом служение, совершаемое апостолами, характеризуется как «служение Духа» (2Кор. 3:8), «служение правды» (2Кор. 3:9), «служение примирения» (2Кор. 5:18), через которое законы Христовой Божественной жизни, воздействием Святого Духа пишутся на сердцах их. Именно поэтому апостол Павел мог говорить коринфским христианам «вы – наше письмо, узнаваемое и читаемое всеми человеками» (2Кор. 3:2).

Во всех этих чертах можно видеть основания для признания преемства старческого служения от апостольского, ибо оба связаны не просто с чисто внешним изучением каких-либо религиозных истин, но с преобразованием всей человеческой природы (воли, чувств и разума), обновления ее благодатью Святого Духа.

Не случайно апостол Павел объяснял, что он и его сотрудники ведут духовную брань «на разрушение твердынь, крепостей чисто духовного свойства, ниспровергают помыслы враждебные истине, самое тонкое, но вместе и самое основное проявление воцарившегося в человеке греха»¹.

Являясь посланниками (2Кор. 5:20) Христовыми и подражателями Его дела, святые апостолы не принуждали силой, не угрожали от имени своего Владыки, но просили (слав. «молили») о примирении, склоняя свободную волю слушающих к добровольному восприятию ига Христова.

В обязанности посланника входило проявить большую мудрость и рассудительность, «выжидать благоприятные обстоятельства, изучать характеры, избирать наиболее подходящие средства. Святой апостол Павел может служить образцом в этом смысле, ибо и сам засвидетельствовал о себе, что «всем вся бых, да всяко некие приобретаю». Всегда говоря о себе как о «апостоле или слуге Христа» или даже о «рабе» Его, апостол старался ясно указать свое место по отношению к Богу и стаду Божию. Единственной целью его было служение Богу ради исполнения Его святой воли о спасении

¹ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 145.

людей, но так, что, будучи служителем в первую очередь Самого Христа, он признавал себя «и слугою приводимых им ко спасению»¹.

Направляя действие своего духовного оружия на самодеятельное сознание человека, апостол достигал того, что человек свободно отдавал себя в послушание Христу.

Однако, для тех, кто дал уже свободное обещание быть в послушании Христову закону, предъявлялось требование послушания совершенного, послушания во всем. Так, например, апостол говорит коринфянам о готовности «отмстить всякое преслушание, егда исполнится ваше послушание» (2Кор. 10:6). Апостол желал знать «аще во всем послушливи есте» (2Кор. 2:9).

Недаром святитель Иоанн Златоуст говорит, что «Павел, следуя по стопам Учителя, также разнообразил свое слово, соответственно нужде наставляемых, в одних случаях применяя как бы прижигание и отсечение, а в других – прилагая как бы смягчающие лекарства»², ибо беседовать с наставляемыми всегда с кротостью, хотя бы даже была необходима строгость, свойственно, скорее, не учителю, а губителю и недоброжелателю»³.

Напротив, строгость применял и Сам Господь, и Его ученики, в свою очередь, исходя из самой глубокой, Божественной любви к ученикам.

Но все-таки главным способом пастырского воздействия как Самого Спасителя, так и Его апостолов, было убеждение «кротостью и тихостью Христовою» (1Кор. 10:1). Все апостолы отличались величайшим смирением и любовью. Они во всем брали пример со своего Божественного Учителя, и жизнь их протекала по подобию земного уничижения Спасителя, принявшего зрак раба» (Флп. 2:7).

¹ Там же. С. 130.

² Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005. – Т.2. – С.730.

³ Там же. С. 729.

Ученики и апостолы Христовы всегда смущенно подчеркивали, что «в сравнении с значением Божественной силы, их значение, как бы ни было оно необходимо, является бесконечно малым»¹. Однако, они не надеялись на одну только благодать, но поистине полагали души свои за паству, движимые даруемой в Духе Святом любовью Христовою. Так, например, апостол Павел писал: «быхом тиси посреде вас: якоже доилица греет своя чада, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя» (1Фес. 2:7-8). «Таков был Павел, который, охотно отдавая свою душу, хотя они и не просили его о том, охотно бросился бы за них в геену»². Толкуя этот стих Священного Писания далее, свт. Иоанн Златоуст говорит, что такая пламенная любовь имеет Божественное происхождение, ибо не ищет ничего для себя, но наоборот жертвует собою. «Так и Бог поступил с людьми». Как истинно любящий, «Он и хочет благодетельствовать и не хочет показать, что благодетельствует. Но представляет Себя как бы должником другого»³.

В другом месте апостол прямо говорит о себе как о жертве (2Тим. 4:6), (Флп. 2:17). «Жертвою называет приведение их» (к Богу) и призывает учеников радоваться и сорадоваться ему самому о том, что он приносится в жертву. «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21). «Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Поэтому Апостол мог с чистой совестью призывать христиан: «молю же вас, подобни мне бывайте, якоже аз Христу» (1Кор. 4:16).

В наиболее существенных своих чертах рассмотренное выше служение апостола Павла является схожим с тем духовным руководством, которое развилось позже в среде монашествующих и получило название старчества.

Несомненно, что у других апостолов, живших тем же Святым Духом,

¹ Там же. С. 148.

² Там же. С.490.

³ Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005. – Т.2. – С. 491.

не могло быть существенных отличий в понимании своего пастырского служения. Образ апостола Павла просто несколько лучше вырисовывается благодаря многим сохранившимся его посланиям. Однако, была у него еще одна особенная черта, которая как бы предвещает будущее совершенное нестяжание монахов. Апостол добровольно отказался от того, на что имел право, принес жертву исключительно ради большего успеха проповеди, не пожелал принимать ни от кого материальной поддержки и своими собственными руками приобретал средства к жизни не только для себя самого, но и для своих спутников.

Из сохранившихся кратких посланий апостолов Петра и Иоанна, а также из сохранных церковным Преданием их житий мы также можем кое-что узнать о характере их отношений к их ученикам. Так, апостол Петр призывает христиан быть «чадами послушания» (1Петр. 1:14), (1Петр. 2:13), жить по воле Божией (1Петр. 4:2), уподобляться в страдании за правду Божию Господу Иисусу Христу (1Петр. 4:1), достигать через них святости (1Петр. 1:15; 2:9), чтобы стать причастниками «Божественного естества» (2Петр. 1:4). Именует же своих служителей апостол не иначе как «возлюбленнии» и «братие», на первое слово повторяется с предпочтением неоднократно в каждом из его 2-х посланий, вошедших в состав Нового Завета. В целом, оба эти послания исполнены духом любви и кротости. Апостол часто повторяет глагол «умоляю» (1Петр. 2:11; 5:1), употребляет тон убеждения.

А апостол Иоанн Богослов именует своих учеников не иначе как «чадца моя» (дети мои – в русском перев.) и «возлюбленнии», себя же именует «старцем» (2Ин. 1:1), (3Ин. 1:1). В житии же его известен случай о том, как будучи утружден годами, он не поленился идти на поиски юноши, вверенного им для попечения некоему епископу и ушедшего к разбойникам. За этим своим «сокровищем» старец-апостол пошел и даже бежал, как за заблудшей овцой, пока не возвратил его. Так сильна была в нем любовь

Христова.

Для полноты картины сделаем краткий обзор посланий мужей апостольских с той же целью – выявления черт в отношениях пастырей и паствы общих для первых христиан и появившихся позднее чисто монашеских общин.

Мы не будем разбирать каждое из дошедших до нас посланий отдельно, но сделаем общие замечания по посланиям свт. Климента Римского, свт. Игнатия Богоносца, свт. Поликарпа Смирнского и некоторым другим памятникам христианской древности. В писаниях первых пастырей Христовых – мужей апостольских – закладывались основы будущей монашеской науки о трезвении над своим умом и сердцем, ибо «из худых пожеланий вырастают худые дела»¹. Поэтому христиане призывались к постоянному бодрствованию, ибо и «хорошие виноградные лозы, оставляемые в пренебрежении, подавляются и заглушаются разными растениями и терниями»².

Везде мы также находим ясное учение о необходимости очищения «внутреннего человека», ума и сердца христиан, ибо от Бога «ничто не скрыто, ни мысли, и никакие сокровенные чувствования сердца. Тайны наши близки к Нему. Посему будем делать все так, как бы Он Сам был в нас, чтобы мы были Его храмами»³.

В видении первом Пастыря Ермы говорится, что «худое пожелание в сердце грех, и притом тяжкий»⁴.

Но особенно важно для нас то отношение к наставникам, которое старались воспитать в христианах их учителя. Особенно много указаний на богоустановленность церковной иерархии мы находим в сочинениях свт. Климента Римского и свт. Игнатия. Как начальствующих, так и подчиненных

¹ Писания мужей апостольских. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. – С.89.

² Там же. С.198.

³ Там же. С.124.

⁴ Там же. С. 161.

мужи апостольские призывали к смирению и взаимной любви о Господе. Всем в пример приводится образец величайшего смирения Господа Иисуса Христа, ибо «Христос принадлежит смиренным», и пришел в мир «не в блеске великолепия и надменности, хотя бы и мог, но смиренно»¹.

Для начальствующих это особенно важно, ибо они должны быть примером всем другим. На них возлагается особая ответственность. «Умоляй всех, чтобы спаслись, ко всем имей терпение в любви. Снисходи ко всем, как и к тебе, Господь. Носи немощи всех, как совершенный подвижник»². Чем более высокое положение занимает человек, «тем более он должен смиряться» и «искать общей пользы, а не своей»³.

Сами мужи апостольские, несомненно, сами являли великий пример смирения Христова. Им неподдельно пронизаны все их труды. Через эту добродетель они сделались близки Господу и так исполнились Его Божественной любви, что святитель Игнатий, например, не желал себе другого конца, кроме мученичества за любимого Господа. Горя этой святой любовью, он и другие мужи апостольские, призывали и всех христиан на тот же путь, ибо «любовию все избранные Божии достигли совершенства» и «без любви нет ничего благоугодного Богу»⁴. В ней достигается истинное послушание и единение, через нее прощаются грехи. Истинная любовь благородна и жертвует собой ради других по примеру Самого Господа.

Заканчивая этот параграф, хочется подчеркнуть, что основные черты взаимоотношений монастырского послушника и его старца мы можем наблюдать уже в первохристианских общинах. Хотя внешние обстоятельства и были здесь другими, но сущность духовной связи начальствующих и подчиненных не изменилась. Подтверждение этому мы найдем в следующей главе. Кроме этого хочется отметить всю важность и ответственность

¹ Там же. С.164.

² Там же. С. 166.

³ Писания мужей апостольских. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. – С.132.

⁴ Там же. С.158.

служения пастырей, являющихся апостольскими преемниками, ибо, как мы видели, им усваивается образ Самого Господа Иисуса Христа. По словам свт. Иринея Лионского «апостолы хотели, чтобы были совершенны и безукоризненны во всем те, кого оставляли они своими преемниками и кому передавали свое место учительства, так как от их правильного действия должна происходить великая польза, а от падения их – величайшее несчастье»¹.

Подводя итог данной главы, важно отметить, что историю феномена старчества можно проследить с самого начала зарождения христианской веры. Данное понятие могло обладать несколькими смыслами, в частности Ветхом Завете и христианстве «старец» могло принимать два значения, часто соединявшихся в одном лице – возраста и должности. Принимая во внимание факт интерпретации данного понятия как духовного лидера и руководителя, можно отметить, что пастырское служение Спасителя, апостолов и других святых отцов Православной Церкви являются эталонными примерами старческого служения.

¹ Цит. по: Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 381-382.

Глава 2. Суть старческого служения

2.1. Монашество как продолжение образа жизни первых христиан

С самого начала проповеди Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа находились люди, которые, воспринимая слово Божие всем сердцем, чувствовали в себе желание посвятить всю свою жизнь Господу. На них исполнился призыв Господа «вся продаждь и раздай и гряди вслед Мене» (Лк. 18:22), а также: «могий вместити да вместит» (Мф. 19:12). Последние слова относятся к тем, кто проводил жизнь в безбрачии, стремясь к совершенству во Христе. Конечно, не все из первых христиан следовали этим путём, но почти все они, как девственники, так и супруги вели высоко духовную жизнь.

«Ученики и апостолы подражали во всём Господу, они были первыми христианскими аскетами. Первые христиане, в свою очередь, подражали в подвигах святым апостолам (1Кор. 11:2, Фил. 3:17). И здесь, в первохристианской общине, мы видим первое зерно настоящей будущей монашеской общины – Киновии (Деян. 4:32;34-35)»¹.

Очевидно, что первоначально высокий дух жизни христианских общин позволял этим двум образам жизни сосуществовать. Единство их в чисто внешнем плане было важно также ввиду малочисленности первых христиан относительно окружающего мира иудеев и язычников.

Трудно сказать, когда появились первые монастыри как общины исключительно христиан-девственников, так как они, конечно же, в начале были малочисленны и примитивны в своём устройении, что имеет своим следствием отсутствие прямых и достаточно полных «исторических данных» относительно них. Но всё-таки Предание Церкви и её история говорят убедительно, что «монастыри начали быть чуть ли не с самого начала христианства, но первые три века они были не очень распространены и держались в глухих, невидных местах. Ибо была эпоха гонений. То же надо

¹ Варнава (Беляев), еп. Пути Промысла Божия. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2009. – С.403.

сказать и о монашествующих в городах. Всегда находились подвижники в миру, желавшие всецело посвятить себя Богу»¹.

Блаженный Иероним свидетельствовал о том, что «первые христиане были таковы, какими стараются ныне быть монахи»².

В общем, большинство монахов-писателей древности отмечают апостольский характер жизни иноков. Ревнующие об евангельском образе жизни тогда особенно стали бежать из мира, когда прошло время открытых гонений на Церковь от язычников и многие христиане всё больше забывали об идеале жизни во Христе, всё больше предавались жизни по духу мира сего. «Не находя в современном обществе строгости быта первых христиан, они ушли из него, чтобы восстановить эту строгость на стороне»³.

Монахи не придумывали ничего нового. Предание, на котором основаны древние монашеские уставы, проистекают из учения самого Христа и святых апостолов и ничем не отличаются от церковного Предания, приложенного к частному случаю аскетического общежития. Главным и единственным, в собственном смысле этого слова, Уставом монашеского жития всегда было Святое Евангелие.

Именно поэтому, «великие основоположники монашеских Уставов преп. Пахомий Великий, святитель Василий Великий и блаж. Августин рассматривали свои правила не как «канон» – этот термин применялся вполне только к Священному Писанию, но скорее как скромное собрание цитат Священного Писания с толкованиями»⁴.

Блаж. Августин смотрел на монашествующих как на «передовой фронт» христианского общества. В толковании на стих второй 132-го псалма: «яко миро сходящее на браду Аарону, сходящее на ометы на одежды его»

¹ Варнава (Беляев), еп. Пути Промысла Божия. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2009. – С.88.

² Иероним Стридонский, блаж. Толкование Евангелия. – М.: Лучи Софии, 2008. – С. 215.

³ Варнава (Беляев), еп. Пути Промысла Божия. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2009. – С.89.

⁴ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С.28.

этот церковный учитель поясняет, что от главы – Христа сходит на церковное тело миро любви и единства. Оно передается через апостолов (брада), на Церковь (священное облачение), но вначале миро попадает на воротник, который означает «тех, кто живет вместе как один, то есть монахов»¹.

Блаж. Августин признает, что могут, конечно же, встречаться и плохие монахи, и женатые христиане, живущие по образу Иерусалимской общины. Но монашеское общежитие отличается возможностью полного подражания апостольской общности на собственность»². Подчёркнутое внимание блаж. Августина к общежительному аскетизму монашеской жизни привело многих древних и современных исследователей к признанию его как основателя киновии на латинском Западе.

То же самое можно сказать о святителе Василии Великом. С его точки зрения единственный Устав для христиан есть Священное Писание, из которого он составил свои нравственные правила.

Святитель прямо отмечает свою цель: представить только «общественное учение», «образ жизни в соответствии с Евангелием», «Закон Господень», «Его слово которое будет судить нас в последний день», «слова Богом вдохновенного Писания»³.

Слово «монах» и его производные не употребляются святителем ни в одной из его аскетических работ. Причиной сему его мнение, что «монашеский аскетизм не существует сам по себе и для себя; он просто продолжает и совершенствует христианский аскетизм. Монах – ни что иное, как истинный христианин, который стремится жить по-христиански в полноте и исполнять Евангелие с точностью»⁴.

Святитель Григорий Богослов говорит о двух типах аскетического

¹ Августин Иппонский, блаж. Исповедь. – М.: Лотус-пресс, 2008. – С.21.

² Там же. С.26.

³ Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С. 33.

⁴ Там же. С.36.

подвига, с которыми он и молодой Василий встретились в Понте. «Первый представлял из себя отшельничество, а второй обозначен через термин неясного содержания. Наиболее вероятное значение его – «аскетическая жизнь в миру». Согласно свт. Григорию, свт. Василий Великий сумел прекрасно объединить эти два образа жизни в третий, общежительный»¹.

Как известно из текста священного Писания Нового Завета и других древних документов, относящихся к церковной истории: «с первых дней существования церкви христиане называли друг друга «брат». «Аналогичным образом, с самого начала монашества слово «брат» часто заменяло слово «монах». Этот обычай быстро распространился и в документах преп. Пахомия «брат» использовалось с большим предпочтением чем «монах». Блаж. Иероним, преп. Кассиан и, вообще, все писатели того времени использовали оба слова как взаимозаменяемые. Есть тексты, причём чисто монашеского происхождения, которые вообще игнорируют последнее, хотя и не отвергают его.

Другим именем, которое применялось сперва ко всем христианам, а в IV и V веках к ещё живущим особо добродетельным лицам, было слово «святые». В церковной литературе мы находим, что оно также применялось к монахам и часто «даже как синоним. В таком виде можно встретить его у свт. Амвросия Медиоланского, свт. Иоанна Златоустого, блаж. Иеронима, блаж. Августина, преп. Кассиана и у многих других»² отцов Церкви.

Святитель Василий Великий считал общежитие «плодоносным и соответствующим Заповедям Господним» и даже осуждал ревнующих об отшельнической жизни³.

Хотя в целом монашеская традиция принимает «канонизацию» отшельнической жизни и смотрит на отшельников как на высший тип

¹ Григорий Богослов, свт. Собрание сочинений. Т.2. – М.: Изд-во П.П.Сойкина, 1994. – С.64.

² Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С.28.

³ Василий Великий, свт. Творения. Т.6. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С.115.

монахов (свт. Иоанн Златоуст, преп. Кассиан, преп. Пахомий, блж. Иероним, блж. Августин)¹, но все отцы и учителя Церкви единогласно отмечают трудность и опасность этого подвига. Поэтому всегда общежитие считалось предпочтительнее, по крайней мере, для обычных монахов. Более того, оно необходимо как твёрдое основание в аскетической жизни, евангельское совершенство невозможно достигнуть помимо него². При этом нужно отметить, что преп. Кассиан, отдававший предпочтение уединённой жизни, брал пример с отшельников Египта, но последние в подавляющем большинстве своём не пребывали в постоянном уединении, но принадлежали к той или иной общине монахов-отшельников (например, Нитрийский Скит).

Вся община собиралась в свою церковь на субботний и воскресный дни, имела во главе своего игумена (авву) и совет старцев, причём слово последних было таким же законом, как и в киновии. Совершенное уединение считалось вершиной отшельнической жизни, но для него необходимо особое призвание Божие.

Преп. Кассиан говорит также, что такая высшая ступень духовной жизни, как созерцание, не чужда общежитию³. Он признаёт, что монашеское общежитие «не может быть рассматриваемо просто как низшая форма по отношению к отшельничеству. У неё есть свои собственные ценности, которые отсутствуют в жизни отшельника, так что переход из киновии в уединение содержит в себе одновременно и приобретение и потерю»⁴. Полное отсутствие личной собственности и сопутствующая ему беспопечительность о материальном, дают возможность исполнить Евангельскую заповедь в точности (Мф. 6:25-31). Ещё более ценна добродетель послушания, через которую монах подражает Самому Христу⁵.

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С.59.

² Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Писания. – М.: АСТ, 2000. – С. 521.

³ Там же. С. 323.

⁴ Там же. С.324.

⁵ Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Писания. – М.: АСТ, 2000. – С. 49.

И, наконец, общежитие бесценно само по себе, так как оно есть проявление и исполнение братской любви.

Преп. Пахомий Великий, который считается первым основателем монашеского общежития, и его ученики усматривали образец для своих общин в Иерусалимской апостольской общине. Хотя в уставе преп. Пахомия и идёт речь о «правиле св. Писания» и монастырском правиле, но их отношение такое, что последнее является следствием первого.

Литературные памятники, связанные с именами преп. Пахомия, Орсисия и Феодора Освященного свидетельствуют о необычайном знании текста Священного Писания (монахами). Преподобный Пахомий знал наизусть всю Библию, преп. Орсисий был мужем, «в совершенстве знающим Священное Писание», а каждый из простых монахов должен был выучить на память Псалтирь и Новый Завет и повторять их про себя.

Таким образом, церковное Предание единогласно свидетельствует о чисто евангельском духе жизни первых монашествующих, появившихся в лоне самой Церкви. При этом не было и не подразумевалось никакого антагонизма между мирянами и монашествующими. Разделения могли возникать лишь в случае каких-либо искажений и ненормальностей в духовной жизни той или иной группы. Святое Евангелие даёт на все времена один закон духовного подвига и любви для всех христиан.

Так, например, в трудах такого великого учителя Церкви, как святитель Василий Кесарийский, «все христиане призываются уделять от своих имений в пользу церквей, управляемых местными епископами, чтобы все, что превышает их необходимые нужды, могло быть поделено с бедными и нуждающимися. Все христиане должны беспрекословно подчиняться Богу и Его заповедям, подражая Самому Христу, ища всегда пользы других»¹. Признавая превосходство девства, святитель, однако, всех призывает к борьбе за чистоту души, постоянному памятованию о Боге и непрестанной

¹ Василий Великий, свт. Творения. Т.6. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С.120.

молитве.

Исследователи отмечают, что несомненно идеал аскетического совершенства был в его глазах единым для всех христиан, почему и обращался ко всем своим слушателям, живущим как в общежитии, так и в миру, одним и тем же именем «христиане».

Благодаря пастырской деятельности святителя число монашествующих значительно выросло, что его очень радовало, но за что, однако же, приходилось терпеть и поношения. Но и весь народ стал проводить жизнь, которая может служить идеалом для многих современных монахов. Они часто проводили ночи в храме «в покаянной молитве и непрестанных слезах, исповедуясь Богу и, наконец, поднимались, чтобы начать песнопение», а при рассвете прославляли Господа «единым сердцем и устами»¹.

Так во все времена требовался пастырь стада Христова, который бы по примеру Самого Господа и святых апостолов, повёл бы вверенных ему овец словесных на «источники водные» (Пс. 41:1), которые бы стали для них «источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:14).

2.2. Два рода монашеской жизни и два рода старчества

После утверждения (легализации) веры христианской мирской властью общий нравственно-духовный уровень жизни христианских общин заметно упал, ибо отпала необходимость подвига жизни и веры, и многие, «познав порок, лишались возможности очищать ум», находясь в тесных связях с мирскими людьми. «В уединении и безмолвии удобнее стало побеждать врага и достигать совершенства, нужного пастырю для успешного исполнения его обязанностей»².

Вот почему по слову преп. Симеона Нового Богослова «благодать Духа Святого устроила, чтобы к архиереям и иереям прибавлены были еще и

¹ Там же. С.162.

² Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – С. 86.

игумены и другие духовные отцы из иночествующих, которые делами показывают твердую веру во Христа, и имеют в себе благодать Духа Святого, чтобы и они сопастырствовали во спасение тех, кои желают спастись»¹. В этих словах преп. Симеона Нового Богослова «мы имеем указание на два рода старчества, в коих оно постоянно проявлялось в Церкви»².

А именно, мы видим из вышеприведенной цитаты, что старец мог не занимать никакой административной, начальственной должности (настоятеля обители или храма и т.п.). В этом случае он является «непосредственным избранником Божиим без административного назначения в Церкви»³. Основоположником такого рода старчества в Новом Завете митрополит Трифон (Туркестанов) называет святого Предтечу Господня Иоанна, к которому шли толпы народа за наставлением. Его простые и общедоступные, но в то же время растворенные благодатию Божией и потому духовно пробуждающие даже закоренелых грешников, уроки покаяния «не составляют ли признаков старчества в том виде, как оно впоследствии выразилось?»⁴.

К этому же роду старчества нужно отнести всех первых монахов-отшельников (анакоретов), которые, после долгой духовной брани сделались достойными многоценными сосудами благодати Божией, почему Бог и поставил их светильниками всему миру. Сначала о них узнавали другие монахи и стекались к ним за наставлениями, а потом и многочисленные миряне спешили посетить их в их пустынных келлиях. Так, о преподобном Антонии Великом свт. Афанасий говорил, что он «как врач, дарован был Богом Египту»⁵. «В нем мы видим старца, который непосредственно

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 97.

² Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – С. 87.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Афанасий Великий, свт. Избранные творения. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – С.66.

избранный Богом, исполнил свое пастырское служение без всякого начальственного значения в Церкви»¹. Преп. Антоний даже не имел священного сана, но тем не менее был истинным пастырем для огромного числа притекавших к нему христиан, «вразумлял жестокосердных, примирял тяжущихся, печаловался за обиженных с такою силою, как будто обиженным был он сам, а не другой кто-нибудь; утешал печальных, успокаивал гневающихся, помогал искушаемым»². Все приходившие к нему в смущении помыслов находили «тишины уму»³. По силе удивительного слова его возникали многочисленные монастыри. И во всех них Антоний, как отец, был руководителем духовным.

Им начинается некая плеяда старцев, подвизавшихся в разных частях света, о многих из которых было поведено духовными историками и писателями, жития которых вошли в патерики. Многие из них жили в пустынях и отшельнических келлиях, но многие и в общежительных монастырях.

В словах о подвижнической жизни свт. Василия Великого мы находим увещание найти мужа совершенного в добродетели, который был бы «не озабочен многим», безмолвен⁴. Здесь, а также в других местах сочинений святителя мы видим указание, «хотя не совсем ясное, на другой вид первого рода старчества, потому что он писал свои правила для общежитий и говорит не о настоятеле, а о другом некоем руководителе, который и есть старец, не облеченный административной властью, но сильный духом, и притом не анахорет, а подвижник общежития»⁵.

Наиболее ярко этот вид старчества проявился в лице затворников

¹ Там же. С. 88.

² Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 484.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С.15.

⁴ Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С. 41.

⁵ Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – С. 90.

Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. При них игумен авва Серид нес лишь тяготу внешних забот, связанных с приходившими к ним людьми и нуждами обители, а все духовное руководство лежало на старцах. При этом их значение и авторитет основывались «лишь на вере к ним настоятеля и братии»¹. Наряду с великими старцами, на которых лежал главный надзор за преуспеянием братии, могли назначаться (с их согласия или прямо по их указанию) еще другие, духовно опытные монахи, для принятия откровения помыслов и совета духовного. Такой вид старчества, особенно целесообразный при наличии многосложного монастырского хозяйства, отнимающего у настоятеля большую часть его времени, был довольно распространен в византийскую эпоху, а впоследствии нашел применение и в нашем Отечестве.

Другой род старчества соединял в себе харизматические дары, подаваемые избранникам Божиим, с той или иной начальственной, учительной должностью в Церкви или общечитии. Таковыми были, по большей части, все святые основатели монастырей. Избирались они, несомненно, Самим Богом, что выражалось через прямое или опосредованное указание Божие (например, общее мнение людей, указание предшественника и т. п.).

Первоначально, однако, этот второй род старчества проявился в самих пастырях Церкви, что мы и рассмотрели подробно на примере св. апостолов и мужей апостольских в предыдущей главе. С оскудением благочестия таких истинных пастырей-старцев в миру становилось все меньше, а с появлением монашеских общечитий роль, подобную предстоятелям-пастырям первых христианских общин восприняли на себя настоятели монастырей.

Таким образом, в силу первенства по своему происхождению и явлению в Церкви этот второй род старчества можно было бы назвать первым, но в связи с оскудением подобных старцев с ходом церковной

¹ Там же. С. 91.

истории, более того, в силу преобладания на протяжении целых эпох другого рода старчества, оно условно названо здесь вторым. В любом случае, хочется отметить у порядкового исчисления этих двух родов старчества. Оба они явились полноценными и Богом дарованными, благодатными, живительными «артериями» в духовном церковном организме.

Многие из святых основателей и настоятелей монашеских обителей, однако, даже избегали принятия священного сана, желая ничем не выделяться из братского сообщества. По своему смирению от посвящения в иерейский сан отказались многие подвижники. Преподобный Савва, правда, не смог провести свою линию до конца, и был вынужден принять рукоположение. Эти великие отцы опасались появления амбиций со стороны одних и зависти со стороны других братьев в обители с введением священнического рукоположения среди монахов, следствием чего, по слову преп. Пахомия Великого, бывают распри и разделения. Несомненно, что эти пастыри-старцы обладали не меньшими харизматическими дарами, чем, например, преп. Феодор Освященный, Феодосий Великий и многие другие мужи святой жизни, которые допускали других монахов к священному сану и сами имели его. Но коренилось, все-таки, это апостольское и старческое служение в личном харизматическом даре, связанном с монашеской святостью, а не со священническим посвящением.

Сам статус иеромонаха не был направлен на внешнее служение, но ограничивался служением монашеской общине, что часто прямо указывалось в текстах уставов.

Папа Григорий в своих книгах выразил заботу об ограждении монашеских общин от смущений «публичных Литургий». В некоторых исключительных случаях монах мог быть рукоположен для служения в мирской церкви, но он должен был тогда оставить монастырь¹.

Пастырское же служение в общине выполнялось чаще всего игуменом

¹ Григорий Двоеслов, свт. Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. – М.: Сибирская благовонница, 2012. – С.16.

и его помощниками, не имевшими священного сана (старцами). Это были простые монахи, достаточно опытные духовно для руководства других и исправления ошибающихся. «Покаянная дисциплина управлялась иерархией общины. Священник не имел с ней ничего общего, даже в вопросе допуска к Св. Тайнам»¹. Это подтверждается текстами из древних житий. «Здесь мы видим парадокс христианской общины, чьи пастыри не были священниками и чьи священники, если таковые обретались, могли очень часто не быть пастырями»², а функция их сводилась только к обряду храмового богослужения.

В конце 4-го века блаж. Августин поместил в своем Уставе настоятеля и братию монастыря под надзор священника, который имел решающее слово в решении важных дел. Однако, уже в первой половине 4-го в. уставы в Галлии тщательно удаляют всякое упоминание такой зависимости. Монастырь должен был управляться игуменом (или игуменьей) без всякого вмешательства клириков извне. Папа Григорий Двоеслов закрепил это изменение своим одобрением.

Преподобный Пахомий Великий, первый основатель общежительного иночества в Египте, в своем Уставе требует от своих иноков старческого отношения к себе и к своим преемникам³, хотя они и не имели священного сана. А святитель Василий Великий, насадитель его в Малой Азии, говорит: «от подвижника по Богу требуется, чтобы он оказывал такую же благосклонность наставнику (настоятелю), как апостолы Спасителю, ибо Христос избрал учеников, назнаменуя, как выше сказали мы, именно сей род жизни, потому что наставник ни что иное есть, как человек, который носит на себе лице Спасителя, стал посредником между Богом и людьми и священнодействует пред Богом спасение покорных ему»⁴.

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – С. 92.

⁴ Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С.122.

«Такого же отношения к настоятелю требуют и другие составители древних иноческих уставов – преп. авва Исая, преп. Нил Синайский, преп. Иоанн Лествичник, преп. Макарий Великий и другие¹. Всюду мы находим указания, что настоятель должен быть одновременно и старцем, освободившимся от страстей, добрым воеводой, опытным в брани духовной, могущим и порученных ему увенчанными увести с поля брани.

«Следовало бы всем ходить к игумену исповедываться, но как иные не хотят открывать помыслов своих игумену по немощи своей и неверию к нему», то преп. Симеон Благоговейный позволял «по снисхождению» открываться и быть под духовным окормлением иного старца в обители»².

И действительно, вследствие тяжести и многотрудности старческого служения, которое, более того, является еще и даром Божиим, а не просто делом человеческой премудрости, а также ввиду умножения забот по хозяйству, совмещение старца и настоятеля в одном лице сделалось со временем чрезвычайно редким явлением. Впрочем, еще св. Василий Великий говорил о трудности найти душу, которая могла бы быть «оком для многих». Поэтому кроме настоятеля в монастырях «всеми уставами требовались еще старцы, которые служили бы ему помощниками и советниками»³.

Таковы были аввы второстепенных монастырей и смотрители домов у преп. Пахомия, упоминались они и в правилах свт. Василия Великого и в Уставе преп. Бенедикта. Часто место этих старцев занимали духовники братии⁴.

2.3. Необходимые качества старца – духовного руководителя и его обязанности

Религиозный идеал древнего монашества, как он истолкован лучшими

¹ Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – С. 94-95.

² Там же. С. 97.

³ Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – С. 99.

⁴ Там же. С. 100.

писателями – подвижники, состоит в обожении человека, т. е. в соединении, слиянии человеческой природы со Христом в Духе Святом, слиянии не только нравственном, но по существу, и в проникновении физической природы благодатью Святого Духа¹.

Истинный старец, как духовный руководитель в подвижнической монашеской жизни, должен был сначала сам пройти по тесному аскетическому пути, «чтобы вследствие подвигов любомудрия, очистив сердце слезами, сделаться способным вместить лучи Духа»² и только тогда, «обогащенный Духом Святым, поистине имея в себе небесное богатство и общение Духа»³, он мог бы стать руководителем для других.

Монашество по своему зарождению, таким образом, было, как мы уже говорили выше, продолжением жизни первых христиан, многие из которых обладали различными харизматическими дарами, но в особой мере, конечно их духовные отцы и наставники – апостолы, мужи апостольские и их преемники.

Преподобный Симеон Новый Богослов так и говорит: «кто подвизается в молитве и безмолвии, и в учении словом, и упражнением с терпением в добродетели. состоит в чине апостолов»⁴.

Ясно потому, что от руководителей и наставников в сей жизни требовалось евангельское совершенство, и только тогда можно принять на себя такое служение. «Когда достигнем полного во всем совершенства, тогда, пожалуй, предадим себя и на пользу братьев наших не превозношения ради, но, чтобы быть рабами всех»⁵.

«Соглашайся на поставление благодатию Божией в правосудные судии только когда освободишься от закона плоти и смерти духовной и

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 38.

² Никита Стифат, преп. Творения. – М.: Луч, 2005. – С.42.

³ Макарий Египетский, преп. Духовные слова и послания. – М.: Благовест, 2002. – С.159.

⁴ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 465-466.

⁵ Там же. С. 380.

исполнишься Святого Духа»¹.

Точно так же, как некогда апостол Павел именовал свое служение «служением Духа» (2Кор. 3:8), так и ныне «без Духа никто не может ни сам научиться, ни других научить»². Поэтому истинному старцу должно «быть сначала учеником Христовым и добре научиться заповедям Его и таинствам»³, подражать Христу в Его земной жизни и без получения Духа Истины не дерзать брать на себя достоинство учителя и становиться духовным отцом и «ходатаем за других пред Богом»⁴.

Обоженный подвижник становится богом по благодати, обладает целым рядом духовных дарований, которые были так обильны в древней Церкви. Это дары различения духов, власти над бесами и изгнания их из одержимых, исцеления болезней, даже воскрешения мертвых, прозрения и провидения будущего⁵.

Обладание в какой-то мере одним или несколькими такими харизмами служило признаком истинного подвижничества, обнаруживая правильность духовного пути и степень преуспевания инока. Но главной целью аскетического подвига истинные угодники Божии считали не стяжание этих даров, а приобретение добродетели «благоразумия и рассуждения», которая «учит человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутья», разбирает желания, слова и дела, удаляющие от Бога, уничтожает все козни врага, «верно различая, что хорошо и что худо»⁶.

Дар рассуждения, «различения» обеспечивает нормальный ход духовной жизни, почему, собственно, необходим всякому христианину, но особенно монаху.

¹ Там же. С. 394.

² Там же. С. 455.

³ Там же. С. 454.

⁴ Там же. С. 455.

⁵ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 39.

⁶ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 406.

«Душа монаха является ареной борьбы разносторонних внушений», которые идут «то стороны Подателя жизни Св. Духа, то со стороны естества самого человека, то производятся духом злобы»¹. И духи тьмы могут принимать вид «ангела свята». Действие благодати обнаруживается в неизреченных мире, радости, тишине, духовно просветленном, блаженном настроении, но и грех имеет свою, обманчивую сладость, особенно тонкую в страстях духовных, которую неопытный может смешать со сладостью Духа Святого, впасть в «прелесть» по аскетическому выражению. «Любителю добродетели должно позаботиться о великой рассудительности, чтобы не обманываться в различении добра и зла, и входить в исследование многообразных козней лукавого, который привык обольщать многих благовидными представлениями»².

Не случайно поэтому «не одобряя исключительного стремления к духовным дарованиям», говорит свт. Афанасий о преп. Антонии Великом в его житии, он, однако, делает одно исключение: он поставляет в прямую обязанность иноку молиться о том, чтобы принять дарование различения духов и не всякому духу веровать»³.

Но чаще всего собственное рассуждение монаха, особенно новонаначального, не в состоянии быть надежным руководителем, находясь в смущении от различных противоположных внушений и будучи подавлено обилием «помыслов». Таковой имеет великую нужду в старце-руководителе, который многим опытом и благодатию Божией получил этот дар и «подобен шествующему в полдень чистейший, светлыми лучами солнца освещаемый, который и сам себя совершенно видит и обсуждает полно и верно, и других многих, лучше же сказать, всех востязует (1Кор. 2:15)»⁴.

Такие святые не говорят что-либо от себя, но Бог говорит в них

¹ Там же. С. 407.

² Макарий Египетский, прп. Духовные слова и послания. – М.: Благовест, 2002. – С.391.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 45.

⁴ Добротолюбие. Т.1. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С. 362.

иногда прикровенно, иногда явно¹. Достигнув бесстрастия, таковой через внутреннее просвещение познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас и будучи выше всякого человеческого учения.

Такой духовно-опытный, а главное одаренный благодатию Божией старец может путеводить души к жизни, исполняясь «премудростью от Бога» для исцеления неудобоисцелимых страстей². Этот образ «духовного врача», упоминаемый еще у древних учителей Церкви был детально и углубленно разработан в аскетической письменности. При этом древними писателями подчеркивалась недостаточность чисто человеческой опытности и внешней исправности в образе жизни. Так, по свидетельству преп. Исидора Пелусиота, «некоторые игумены, будучи невоздержны, уцеломудривают подчиненных тем, что падшим определяют тяжкие наказания», а другие «ведя себя строго и целомудренно, оставляют подначальных исполнителями тех страстей, над которыми господствуют сами, потому что не налагают наказаний, на показывают чрезмерную кротость»³. Даже среди древних подвижников было много неопытных врачей духовных, которые сами проводили при этом довольно-таки добродетельную жизнь.

Преподобный Ефрем Сирин заявляет решительно: «если еще не сильно раскален ты Духом Святым, то не желай выслушивать чужие помыслы»⁴. Яркий огонь благодати должен гореть в душе старца, попаляя душевную скверну чужих помыслов и страстей. Он должен «во всех делах своих иметь Строителем и Водителем Бога, полагаясь на Него, как на искуснейшего какого кормчего, и ради Его отсекая собственную волю свою, как бы не имея собственного разума, водясь одним Его мановением»⁵.

¹ Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С.59.

² Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С. 478.

³ Цит. по: Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 428-429.

⁴ Ефрем Сирин, преп. Беседы. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003. – С. 468.

⁵ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С. 487.

Такое живое единение с Богом – самое необходимое в старце-руководителе, потому что к Нему он и должен вести своих подопечных. Но для этого недостаточно иметь одно или несколько дарований, нужен живой опыт Богообщения, достижение «высшей свободы от страстей», которая подается «за самую полную и действенную духовную любовь»¹.

Любовь – душа и сердце старческого подвига. Жертвенная евангельская любовь заставляет старца брать на себя непосильное бремя. Так, например, когда послушник просил великого старца авву Варсонофия понести его грехи, старец ответил: брат, хотя ты просишь о деле, превышающем мои силы, но покажу тебе меру любви, которая понуждает себя и на то, что выше сил. По приверженности к тебе я беру на себя и понесу твое бремя, только с тем, чтобы и ты взял на себя – хранить мои слова и заповеди»².

Признавая любовь к Богу и к ближнему «за нечто нераздельное»³. Преп. Максим Исповедник говорит, что «любящий Христа, естественно, и подражает Ему по возможности»⁴. Вот почему «спасение ученика старцы связывают со своим и готовы ради помощи ему терпеть укоризны, поношения и самую смерть»⁵. Своей самоотверженной отеческой любовью старец вызывает ответную любовь ученика.

Такая евангельская любовь, которая, когда нужно, берет немощных «на плечи» и несет их, «пока они пройдут дверь поистине тесного входа»⁶, но никогда не переходит в потворство, является самым важным, завершающим признаком истинного старца, составляет ту основу, на которой зиждется благодатный союз духовного наставника и ученика, имеющий целью

¹ Макарий Египетский, прп. Духовные слова и послания. – М.: Благовест, 2002. – С. 365.

² Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С. 74.

³ Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993. – С. 151.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907. – С. 473.

⁶ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С.468.

достижение спасения.

Глубокая и самоотверженная любовь старца к ученикам обнаруживается в живом сострадании, сорадовании, в самом реальном переживании того, что в духовном плане случается с его учеником. Она же умудряет старца, когда есть время «смиреномудрию, и власти, и обличению, и дерзновению, и снисхождению, и строгости, и вообще всякому делу»¹.

А преподобный Варсонофий Великий говорил ученикам: «я прежде прошения вашего, ради горящей во мне любви Христа не перестаю день и ночь молиться Богу, чтобы Он сделал вас богоносными»². А также добавлял: «я сладце полагаю душу мою на смерть за тебя; скажу тебе слово Руфи: да не будет ми разлучатися от тебе, но смерть разлучит между мною и тобою»³. «Поверь мне брат, – говорит тот же подвижник одному иноку, – что дух мой усердствует сказать моему Владыке: Владыко! Или вместе со мною введи и чад моих в Царство Твое, или изгладь и меня из книги Твоей»⁴. Великий старец возвышается здесь до высочайшего самоотвержения в любви своей к ученикам своим, подобно Моисею (Исх. 32) и апостолу Павлу (Рим. 9:3-4). Таковы были и все святые, удостоившиеся «совершенной любви»⁵.

Являясь по существу «посредником между Богом и людьми, священнодействующим пред Богом спасение покорных ему»⁶, старец осуществляет это посредничество преимущественно в могущественном предстательстве пред Богом. Молитва старца помогает послушнику исполнить заповеди его, доставляет прощение грехов, помогает душе в

¹ Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С. 409.

² Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С. 76.

³ Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С. 42.

⁴ Там же. С. 77-78.

⁵ Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993. – С. 103.

⁶ Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – С. 409.

духовной брани на земле и на мытарствах при исходе от тела¹.

Акт принятия на себя грехов часто обозначается через слово восприемничество) и его производные². Восприемничество в собственном смысле значит – «отдавать душу свою за душу ближнего во всяком случае»³.

Прощение грехов достигалось усилиями двух сторон – старца и ученика, но участие первого было гораздо более значительно. Откровение помыслов старцу было не просто ради совета и наставления. В монашеской исповеди сформировался институт, «близкий к тайной сакраментальной исповеди»⁴, она должна была быть судом совести и соединяться с покаянным настроением⁵.

При этом принимавший исповедь-откровение брал на себя бремя грехов кающегося и сверх того умолял Господа о прощении, в то время как сам грешник проходил покаяние, исполняя епитимью⁶.

Идея восприятия грехов исповедника или заместительства встречалась в Церкви и в древности, но «в монашестве она получила полнейшее развитие и органически слилась прежде всего с институтом старчества: она гармонирует с представлением о старце, как ответчике за своих учеников, а эта ответственность требуется целым строем старчества»⁷.

Однако, от ученика требовался труд самоосуждения и покаяния, как необходимый залог действенности молитвенного предстательства старца. А Лествичник говорит, что в обязанность старца-наставника входит предоставлять ученикам по мере их сил понести даже незаслуженные

¹ Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С.44.

² Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 69.

³ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С.67.

⁴ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 117.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Там же. С. 127.

поношения и уничижения, через которые они сподобятся венцов от Господа¹.

Поэтому за главные качества старца должно признавать совершенную любовь и рассуждение. Вот почему в житиях святых мы часто видим примеры такого сурового отеческого воспитания, девиз которого кажется тем же, что и в Священном Писании произносится от Лица Божия: «ихже аще люблю: обличаю и наказую» (Откр. 3:19; Евр. 12:6).

2.4. Исповедь помыслов и власть «вязать и решить»

Свободный духовно-нравственный союз старца и ученика подразумевал взаимную глубокую искренность и полную открытость последнего по отношению к первому. И хотя многие старцы святой жизни обладали даром прозрения, но тем не менее откровение помыслов было всегда необходимой частью старческого института. Такое откровение поначалу бывало как открытым (перед всей братией), так и частным (перед старцем), но со временем последнее практически вытеснило первое². Так, известие об открытой, принимаемой всем обществом киновии исповеди мы находим у свт. Василия Великого, преп. Пахомия, преп. Бенедикта. Но одновременно в тех же обителях существовала тайная исповедь перед настоятелем или старцем. Установление это было сделано, чтобы «немощь увлеченного» в грех мыслию или делом «была уврачевана общею молитвою» или же молитвою и попечением старца.

Однако, открытая публичная исповедь не прижилась в монастырях Востока, уступив место тайной старческой³. Монашеская традиция, по свидетельству церковного Предания, изобилует примерами таковой исповеди. Например, преп. Феодор Освященный, обходя киновии, давал советы искушаемым демонами «один на один». Преп. Исайя советует со свободой открывать свои помыслы старцу, если он «верен и сохранит слово

¹ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С. 496.

² Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 118-119.

³ Там же. С. 102-105.

твое»¹. Преп. Пимен Великий говорил, что, «как стена не может говорить, так и я никому не открываю чужого помысла»². А преп. Ефрем решительно вооружился против разглашения тайны исповеди и даже предписывает за это каноническое наказание³.

В соблюдении тайны монашеской исповеди можно видеть важнейшее условие ее процветания⁴.

Монах должен был ни одного душевного своего движения не оставлять в скрытности, ни одного слова не пропускать без испытания, ибо «скрывающий свои помыслы бывает неисцелен»⁵.

Предметом тайной старческой исповеди являлись не только помыслы, но и тяжкие падения, за которые «церковные каноны предписывали публичное покаяние»⁶.

Однако, при монашеской исповеди чаще всего не было иерархического лица, пресвитерского или епископского сана в качестве совершителя таинства покаяния. И даже когда старец имел священный сан, нет свидетельств о том, чтобы «их священство выделяло совершаемую исповедь из ряда обычной старческой» (ни по способу совершения, ни по чему-либо иному)⁷.

Исследователи делают вывод, что в монашеской исповеди сформировался институт, близкий к тайной сакраментальной исповеди, которая со временем вытеснила и заменила в Церкви исповедь публичную⁸.

Между простой беседой и исповедью делалось четкое различие.

¹ Добротолюбие. Т.1. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С. 292.

² Там же. С. 210.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 120.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С. 226.

⁶ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 115.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Там же. С. 117.

Последняя по указаниям аскетов-писателей должна была быть судом совести, проходить с покаянным настроением. «Прегрешения свои объявляй учителю не как от лица другого. И в наружности, и в помысле будь на исповеди как осужденный; поникни глазами в землю и, если можно, орошай слезами ноги судии и врача, как ноги Христовы»¹.

Учеными признавалось, что такая исповедь «была только одним из проявлений подвижничества», но само монашество приписывало «исповеди своей гораздо большее значение»².

Польза исповеди заключалась в сдерживании греха, прогнании помыслов. Более того, после исповеди и покаянной епитимьи грехи прощались, «изглаждались», по выражению преп. Марка³. Это прощение достигалось усилиями двух сторон – старца и исповедника, но участие первого было гораздо более значительно. Так, например, у преподобного Иоанна Лествичника старец говорит монаху: «на моей вые твой грех, сколько лет ни действовал и не будет действовать он в тебе; а ты уже не ставь его ни во что»⁴.

Монашеская исповедь сопровождалась непосредственным разрешением грехов (старческим), также, как и позднейшая тайная сакраментальная исповедь – пресвитерским (священническим) разрешением. Даже сам обряд последней был, очевидно, заимствован у первой⁵.

Чрезвычайные харизматические дары давали старцам дерзновение ходатайствовать о своих учениках и послушниках, а также об обращающихся к ним мирянах пред Богом и испрашивать им прощение.

Исследователь С.И. Смирнов утверждает, что эти дары могли «производить перемену только в субъективном состоянии кающегося,

¹ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С. 101-102.

² Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 123.

³ Добротолюбие. Т.1. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С. 531.

⁴ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999. – С. 304.

⁵ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 131.

примирять единственно его совесть», ибо для изменения «объективного состояния грешника. необходима богодарованная власть вязать и решить». Но нам это суждение представляется схоластичным и механистичным толкованием того реального, живого опыта Богообщения, которым жили св. подвижники благочестия. Ведь если кающийся чувствовал по ходатайству старца мир душевный и отшествие искушений, то чем иным, как не благодатью Святого Духа могло это совершаться?

Более того, сам исследователь приводил примеры того, что старческая епитимья «признавалась по силе своей несколько не слабее канонических»¹, и противоречит своему вышеприведенному утверждению, признавая несомненный факт, что старческая исповедь сопровождалась «не только субъективными, но и объективными следствиями, – и чувством нравственного облегчения, и действительным прощением грехов»². Являя почти безусловную власть над человеческой душой, старец выслушивая исповедь грехов, «разрешает их, принимая на свою выю, или же вяжет, наказывая грешника епитимьей, равной по силе канонической»³.

Здесь мы подходим к вопросу о том, как понималась и толковалась власть «вязать и решить» святыми отцами Церкви. Считалась ли она прерогативой исключительно лиц – носителей священного сана?

У некоторых святых отцов мы находим прямое указание, что власть вязать и решить есть дар Святого Духа, который могут получать подвижники и помимо таинства рукоположения, по мере успехов в духовной жизни, по мере «обожения». Так, преп. Варсонофий Великий признавал себя носителем этого дара, разрешая грехи обращавшихся к нему иноков со словами: «чрез меня, худейшего говорит тебе великий Ходатай Иисус, Сын благословенного

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 171.

² Там же. С. 175.

³ Там же. С. 174.

Отца, Податель Святого Духа: прощаются тебе многие грехи твои»¹. Проведя всю жизнь в затворе и по всей видимости, не имея священного сана, великий старец признавал сей дар за совершеннейший из даров Святого Духа, очень редкий и исключительный. Так, по свидетельству самого подвижника в его время было всего «три мужа, совершенных пред Богом, которые превзошли меру человечества и получили власть вязать и решить, отпускать грехи и удерживать их»².

Преподобный Феодор Студит, который монашеское пострижение называл таинством, приравнивая его к крещению, «совершенно естественно пришел к мысли, что во время иконоборческой бури православные монахи вполне могут, даже обязаны налагать на обращающихся от ереси епитимьи и очевидно осуществлять апостольское право вязать»³. Епитимье простого старца-монаха преп. Феодор придавал значение канонической, «неизменной и непоколебимой». В одном из своих поучений он приводит пример того как св. патриарх Герман с собором архиереев «не смели освободить» послушника от епитимьи его наставника, хотя старец тот «может быть не имел и степени священства, а был только аввою своего ученика». То, что к этому случаю преп. Феодор относился как к проявлению власти «вязать и решить» видно из его собственного комментария: «но поскольку он (послушник) связан на земле, был связан и на небесах, то они оставили его неразрешенным, хотя тут были и архиереи и даже глава церкви»⁴.

Преп. Феодор признавал, что «за неимением пресвитеров и по вере приступающего не противно правилам и простому монаху назначать епитимии»⁵. А в письме к некоему монаху Феодору, обличая «ревность не по

¹ Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. Руководство к духовной жизни. – М.: Локид-пресс, 2007. – С. 154.

² Там же. С. 358.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 325.

⁴ Феодор Студит, преп. Послания. – М.: Приход храма Святого Духа сошествия, 2003. – С. 133-134.

⁵ Там же. С. 126.

разуму» с которой последний осуждал «мягкость» духовников в разрешении согрешивших, Преподобный вопрошает его: «Но где у нас почтеннейший дар пророчества? Где гора Кармил? Где ключи небесные? где милоть, разделяющая Иордан, ниспавшая на Елисея с сугубой благодатию? Если же и есть у нас какой-нибудь дар, то кому мы оставим его, не имея даже ученика?»¹. Тем самым преп. Феодор ставит «дар ключей», т.е. власть «вязать и решить» в один ряд с харизматическими дарами пророков, не имевших священного сана, и не отрицает возможности простому монаху получить его от Бога.

Святитель Григорий Двоеслов повествуя о чудесах, сотворенных преп. Венедиктом Нурсийским, упоминает случай, когда две почившие монахини получили прощение грехов по молитве Преподобного. За невоздержание языка монахини по смерти «не могли выйти из числа отлученных, пока не удостоились от Господа общения с Церковью через раба Божия Венедикта»², подавшего просфору для их поминовения за Литургией. Объясняя это событие, святитель говорит, что «относительно связывания и разрешения преемствуют (апостолу Петру) те, которые по вере и нравственности получают священную власть»³. Акцент сделан здесь именно на святость жизни преподобного и его молитвенное предстательство, а не на сан или должность его, и даже не на таинство евхаристии. Известно так же, что преп. Венедикт по всей видимости не был священником, что подтверждается и контекстом приведенного события (преподобный не служит Литургию сам). Вообще, здесь видно более общее представление о власти «вязать и решить», ибо разрешение происходит не в таинстве исповеди, причем уже по смерти лиц, разрешаемых от уз греха.

Интересно отметить, что отношение к исповеди в древней Церкви

¹ Там же. С. 149.

² Григорий Двоеслов, свт. Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. – М.: Сибирская благовонница, 2012. – С. 126-127.

³ Там же. С. 128.

было часто отличным от нынешнего, в том смысле, что сакраментальная исповедь не рассматривалась «как единственное и исключительное средство для прощения грехов». На основании изучения святоотеческих и канонических текстов ученый-исследователь А. Алмазов сделал заключение, что «на всем пространстве времени древней Церкви свидетельств» этому «можно сказать изобилие»¹. «Есть полное основание признать, что даже в периоде VI – IX вв. сакраментальная исповедь понималась одним из ряда других средств, имеющих своим последствием разрешение от грехов»². Среди них числились плач о грехах, смирение, милостыня, молитва, содействие отцов и братьев, терпение болезней и другие³.

Эти свидетельства св. отцов и ученых подтверждают ту мысль, что в представлении древней Церкви власть «ключей» не была жестко связана с сакраментальной исповедью и могла, следовательно, осуществляться и через лиц не имевших священного сана.

Это подтверждают и исторические данные по которым, в частности, можно достоверно признать, что в эпоху Трулльского собора побывав на исповеди у монаха, верующие уже не искали церковной исповеди. «Исповедь перед монахами была церковно-бытовым явлением, которое, однако, не было регулировано церковным законодательством»⁴.

По слову профессора Н. Суворова «даже канонисты XII века были еще далеки от признания необходимой связи исповеди с иерархической степенью пресвитера». На первый план среди требований к выслушивающему исповедь они ставили «не сан пресвитера, а епископское поручение». Замечательно вообще «с какою силою выдвигается в большей части исторических свидетельств об исповеди в восточной Церкви на первый

¹ Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной восточной Церкви. – Одесса: Типография штаба Одесского военного округа, 1894. – С. 330.

² Там же. С. 334.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 80-82.

⁴ Там же. С. 276.

план искусство врачевания, а не иерархический сан лица»¹.

В смутную эпоху иконоборчества святитель Никифор, патриарх-исповедник Константинопольский, будучи в изгнании, предоставил даже простым православным монахам принимать исповедь и покаяние мирян.

Более того, по свидетельству проф. Н. Суворова «с конца иконоборческой эпохи до половины XIII века монашество находилось в исключительном обладании вяжущей и разрешающей властью, так что исторически вполне оправдывается то, что говорят Симеон Новый Богослов, Иоанн Постник и Иоанн Антиохийский о переходе власти вяжущей и разрешающей к монахам»².

Кроме упомянутой уже нами выше статьи Иоанна Постника здесь имеются в виду еще два древних документа. Это, во-первых, слово Иоанна Антиохийского (кон. XI в.), где о монахах речь идет как об особо освященном чине, стоящем между священством и народом, которому в определенный период истории церкви доверяются исповедь, наложение и разрешение епитимий.

В других заведомо подлинных сочинениях преп. Симеона можно найти выражение тех же по существу мыслей. «Если бы, – говорит Господь – Я нашел душу, соблюдающую это в мире то Я прослаблю (такового) наравне с Апостолами Моими и пророками, и он возсядет со Мною в пришествии Моем, ибо будет судить праведно и тогда, как на земле, и получит славу судии живых и мертвых»³. При этом общий ход речи подразумевает любого из живущих на земле независимо от его иерархической степени.

Кроме того, в уже цитированном тексте из Слова 11 говорится о добавлении к священнослужителям церкви «игуменов и других духовных

¹ Цит. по: Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 59.

² Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 50.

³ Там же. С. 181.

отцов из иночествующих»¹, но «игумены обыкновенно не имели священного сана»². А в «чине апостолов», по определению Преподобного состоят, кто «подвизается в молитве и безмолвии, и в учении словом, и в упражнении с терпением в добродетели»³.

Важно заметить, что мнение преп. Симеона о последовательности преемства власти прощения грехов «никогда не было ни прямо, ни косвенно осуждено Церковью. Церковное общественное мнение тоже не отвергало его, как об этом можно заключить из факта, что древние рукописи не исключают Первое Послание, где оно изложено, из своих собраний творений преп. Симеона»⁴.

Везде в сочинениях преп. Симеона и в самом Послании мы находим глубочайшее благоговение перед службой священника пред алтарем. Для него таинства и священство есть Божественный дар, и потому серьезнейшее внимание должно уделяться святости предстоятеля у Престола. Преподобный не отрицал действительности таинств, совершаемых недостойным по образу жизни священником, но он все-таки «делал различие между властью совершать Евхаристию и властью оставлять грехи. Эта последняя предполагает особые Божественные благодатные дарования, не сводимые к одной благодати рукоположения»⁵. Преподобный ясно говорит об этом в Слове 79-м, где утверждает, что власть вязать и решить «есть достояние. не просто всех иереев, а тех которые священнодействуют евангельски, ходят Духом, а не тех, которые приняли только от людей избрание и

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 97.

² Цит. по: Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 58-59.

³ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 465-466.

⁴ Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов. – Н. Новгород: Братство во имя святого князя Александра Невского. 1996. – С.120.

⁵ Там же. С. 118.

рукоположение»¹.

Но к действительности самого таинства исповеди преп. Симеон относился по-другому. Сам Господь может разрешить искренно кающегося даже и через недостойного священника. В Слове 11-м Преподобный, осуждая христиан за непочтение к священникам, предлогом к которому выставлялось неисполнение последними заповедей Божиих, говорит о необходимости любить его и почитать даже недостойного иерея «за те блага, которые даровал тебе Бог чрез посредство его»². На ярком примере он говорит здесь о усыновлении Богу получаемом грешником через Его недостойного слугу.

Приведем слова и других святых отцов свидетельствующие о том, что власть «вязать и решить» распространялась ими не на всех представителей иерархии. Так, например, свт. Григорий Двоеслов говорит, что тот из епископов, «кто использует эту власть расположению своей собственной воли, а не согласно с реальными обстоятельствами отлучает себя от этой самой власти вязать и решить»³. «Настоящее разрешение (греха) бывает только тогда со стороны предстоятеля, когда оно происходит в соответствии с решением внутреннего Судии», добавляет святитель и поясняет это примером воскрешения Лазаря четверодневного: «воскрешение от Господа, а от пут разрешают ученики»⁴.

Аналогичные указания можно найти у св. Дионисия Ареопагита: «провозвестники судов Божиих имеют силу и отлучать, но не так, чтобы Премудрое Богоначалие покорно следовало порывам их неразумного гнева, но так, что они, как провозвестники воли Божией, отлучают по внушению тайносовершительного Духа тех, кто уже осужден Богом по заслуге»⁵.

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 323.

² Там же. С. 119.

³ Григорий Двоеслов, свт. Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. – М.: Сибирская благовонница, 2012. – С. 202.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Дионисий Ареопагит, свщмч. О церковной иерархии. Послания. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 230.

Толкуя это место, преп. Максим Исповедник поясняет, что «если бы священноначальник отлучил кого-либо не согласно воле Божией, то за ним осуждение Божие не последует»¹.

Также и преп. Исидор Пелусиот говорит, о власти вязать и решить, что «грехами своими удаляющие от себя Духа, не имеют конечно сей власти, имеют же только знающие Духом Святым, кто достоин оставления, а кто осуждения. Поелику превышало это ум человеческий, то Утешитель соделался для достойных Его приятия Учителем неисследимого уму человеческому»². Грехи отпускаются Духом Святым и только Им Одним.

Он же возвещает иерею, в каком случае надо вязать, а в каком решить. Эту власть преп. Исидор выделяет как особенный дар, подаваемый только под условием нравственной чистоты и духовности, в то время, когда осквернившийся священник остается действительным орудием в руках Божиих при совершении им Евхаристии и других таинств.

Итак, становится ясным, что «мысль о принадлежности права вязать и решить церковной должности как таковой, далеко не была общей на Востоке», и что многие св. отцы говорили о необходимости нравственной высоты жизни и наличия духовных дарований для обладания им³.

Монашеская традиция, начиная со времени первых отцов-пустынников и до времени написания преп. Симеоном его «Письма об исповеди» представляет непрерывное свидетельство того, что «кто бы ни занимался наиболее сокровенными тайнами другого человека, должен иметь личный авторитет, авторитет, «происходящий из опыта личной борьбы с грехом и получения прощения от Бога и следующей из сего близости к

¹ Там же. С. 243-244.

² Исидор Пелусиот, прп. Письма. – М.: Изд-во имени святителя Игнатия Ставропольского, 2001. – С. 288-289.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 253-254.

Нему»¹. Такие мужи находились чаще всего в среде монашества и говорили авторитетно, из своего личного опыта, знания Бога и образа Его действования в человеческом сердце. Исходя из этого знания, они предписывали средства и пути, через которые грешник мог примириться с Ним.

По слову святителя Филарета (Дроздова): «благодатное общение всегда готово для человека со стороны Бога, но человек со своей стороны не всегда готов для общения с Богом и требует большего или меньшего приготовления, смотря по тому, в каком состоянии находится»².

Православный взгляд на «власть ключей» изложен в Правиле 5-м VI Вселенского собора, где говорится, что духовнику «должно непременно или посредством суровых и вяжущих, или посредством более мягких врачебных средств противодействовать недугу и к заживлению раны подвизаться и мудро управлять человеком к горнему просвещению»³.

В этом смысле власть «вязать и решить» можно толковать как благодатный дар вести человека ко исправлению, путем различных нравственно-воспитательских приемов, помощью личного духовного авторитета и, конечно же, содействием благодати Святого Духа, которую молитвенно ходатайствует старец для кающегося грешника. Духовный врач и предстатель пред Богом – вот образ истинного духовника, который, достигнув обожения, имеет дерзновение просить Бога как «друг у друга».

Подводя итог данной главы, можно сделать следующие выводы. Старчество как сложившийся институт духовных руководителей получил свое развитие именно в монашеской среде, в которой для него были созданы наиболее благоприятные условия. Важно подчеркнуть, что и старчество,

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 107-108.

² Филарет (Дроздов), свт. Слова и речи. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2003. – С. 169.

³ Каноны, или Книга правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. – СПб.: Общество свт. Василия Великого, 2000. – С. 212.

обязанное своим существованием монашеству, благодаря своей пастырской душепопечительной деятельности, помогало монашеству увеличивать количество своих членов. Причем старческое служение не всегда было обусловлено параллельным занятием церковной административной должности. Истинный старец, как духовный руководитель в подвижнической монашеской жизни, должен был сначала сам пройти по тесному аскетическому пути и обладать набором важных атрибутивных качеств и являться особым духовником для человека в Таинстве Покаяния.

Глава 3. Старческое служение миру и проблема лже- и младостарчества

История Церкви ясно свидетельствует о том, что монашество практически всегда и везде, тем или иным способом служило миру, в первую очередь, конечно, миру христианскому, но и не только ему.

Великий аскет и созерцатель преп. Исаак Сирийский говорит, что «выполнять обязанность любви, доставляя успокоение телесное, есть дело людей мирских и монахов, не пребывающих в безмолвии, или таких, у которых безмолвие соединено с единодушным общежитием. Дело таковых это есть дело прекрасное и достойное удивления»¹.

Совершенному монаху-безмолвнику уже «не подобает служить Христу деланием чего-либо телесного и правдой дел явных (чтобы ими оправдаться), но, по слову апостола, умерщвлением удов своих, яже на земли (Кол. 3.5), надлежит приносить Христу чистую и непорочную жертву помыслов»². В случаях, когда забота о телесном благе ближнего мешала духовному росту, преп. Исаак несомненно предпочитал для монахов последнее, но требовал, чтобы они «были внутренне милосердны ко всякому разумному существу» и явно доказывали любовь свою, когда призывают к этому обстоятельства дел и нужда. Святой подвижник осуждал ложное, эгоистическое безмолвие, говоря: «знаем, что без любви к ближнему ум не может просвещаться Божественною беседою и любовию»³. Однако, главное служение истинного монаха в миру в молитве, плаче за весь мир.

Настоящие монахи-старцы, прошедшие долгий аскетический подвиг и стяжавшие благодать Святого Духа, конечно же, служили братии и мирянам в первую очередь именно от своих благодатных даров духовных, хотя при возможности помогали и материально.

Старческое служение, как мы видели выше, своей главной

¹ Исаак Сирийский, преп. Слова подвижнические. – М.: Слово, 1993. – С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 182.

характеристикой имело благодатную любовь, подаваемую подвижнику Богом, по мере приближения к Нему. Эта нераздельная, по слову преп. Максима Исповедника, Божественная любовь подвигала аскетов к молитве за весь мир и к подвигам духовнического служения во спасение душ приходивших к ним монахов и мирян. И эта «духовная милостыня» ценилась самими мирянами очень высоко, как редкий дар, нигде более не обретаемый.

Толпы народа приходили к таким угодникам Божиим, как преп. Антоний Великий, и получали бывало пользу и утешение от одного только лицезрения дивного старца. А скольких преподобный спас от душевных кризисных состояний, умирил, успокоил и наставил своим словом, растворенным благодатию Божией! По слову свт. Афанасия, он, как духовный врач был дарован Богом всему Египту, да и не только ему. Посмотреть на человека Божия приходили из-за моря эллинские мудрецы, его желал видеть сам император Нового Рима, а скольких он воодушевил на путь спасения даже уже после своего преставления, одним примером своей жизни, целиком посвященной Христу!

Не удивительно, что истинно евангельская жизнь подвижников благочестия привлекала к себе всеобщее внимание и вызывала благоговейное удивление и желание посильного подражания среди широких кругов церковного и светского общества.

Старцы-анахореты общежительных обителей не забывали и о материальных нуждах слабых и немощных мира сего. «Служение миру благотворительностью в разных ее видах составляет непременную, составную часть общежительного строя киновии»¹. Это особенно ясно видно на примере палестинского подвижника преп. Феодосия Великого, киновиярха. При его киновии были устроены разные прибежища для приходящих монахов и мирян, нищих и больных. Житие Преподобного повествует, что о последних (нищих и больных) особенно заботился

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 186.

Феодосий, как «верный раб Обнищавшего нас ради и был всем для всех». Так что часто лично ухаживал за больными, одевал нищих, «уверенный, что среди них он прислуживает Спасителю всех Христу»¹.

Очень распространены были такие виды внешнего служения древних иноческих общежитий миру, как странноприимство, милостыня, нищепитание, уход за больными. Встречалось также такое служение, как подборание брошенных детей и некоторые другие.

Но и отшельники, достигавшие высшего духовного совершенства в подвигах молитвы и не имевшие материальных средств в своем распоряжении для помощи ближним, часто выступали защитниками обиженных и угнетенных пред сильными мира сего.

Так, преп. Антоний Великий не однажды оставлял свою любимую пустыню и ходил в Александрию как для поддержки в борьбе за сохранение правой веры, так и для ходатайства за невинно притесняемых. И в силу его великого авторитета такое ходатайство было всегда успешно.

Многие подвижники влияли на мир через свои письма. Например, преп. Исидор Пелусиот обращался с наставлениями и обличениями к высшим и гражданским и церковным лицам. Причем некоторыми из них он поддерживал достаточно регулярную переписку. Сохранилось около 30 писем к Графу Герминос, более 60-ти к некому Марону и т.д.

Что же касается духовной помощи и поддержки, то примеры исповеди мирян у монастырских старцев и отшельников известны начиная с первого поколения египетского подвижничества. Мы уже упоминали пример преподобного Антония Великого, но он не был исключением. Примерами духовного врачевания полны жития древних подвижников, причем на исповедь к старцам-монахам приходили люди разных сословий, в том числе и клирики. Житие преп. Илариона Великого повествует: «Сходились (к преподобному) епископы, пресвитеры, целые толпы клириков, монахов и

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 186-187.

благоразумных женщин, и не только отовсюду простой народ, но и люди сильные и судьи»¹.

Среди правил египетского скита оговаривались условия прохождения клириками монастырского покаяния, из чего следует, что это было здесь делом обычным. Некоторые падшие пресвитеры принимали иноческое пострижение и уже простыми монахами проходили под руководством старцев покаяние в обители². Но бывали случаи, когда миряне и клирики проходили покаяние, оставаясь в миру, а значит, монастырский старец становился пастырем мирян и в мирской среде, за стенами своей обители³. Тогда, по-видимому, мирские люди подражали инокам, выбирая себе духовного отца-старца, принимали на себя «часть послушнических, духовно-сыновних обязанностей, совмещаемых с мирским их бытом»⁴.

Так, например, преп. Нил Синайский в своем письме «председателю Домнину младшему» дает ему различные наставления, а заканчивает его словами: «если найдешь досужее время, то приходи ко мне, тогда лично опишу тебе в большей полноте все»⁵.

Другими примерами служат письма блаж. Иеронима его духовным дочерям, духовное руководство преп. Евфимием Великим по отношению к императрице Евдокии и многие другие.

Святость жизни старцев-подвижников, нередко сопровождавшейся даром чудес и прозорливости, неотразимо свидетельствовала о явном присутствии благодати Духа Святого и внушала полное доверие к их учению и наставлениям. Их высоконравственная жизнь, отмеченная благодатными дарами Божиими, много содействовала в древние времена распространению христианства, а позднее – победе Православия над всякого рода расколами и

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 214.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 209.

ересями¹.

Преп. Антоний Великий, по свидетельству свт. Афанасия, во время своих посещений Александрии обращал в христианство столько язычников, сколько их обращалось за один год. Преп. Макарий Великий, будучи сослан на некоторый остров, обратил все его языческое население ко Христу. Миссионерской деятельностью среди язычников занимался также преп. Пахомий Великий. Преп. Симеона Столпника называли «стоящим миссионером». Известно, например, что целые селения обратились в христианство после чудесного избавления молитвами преподобного от диких зверей. Под его же влиянием в 456 г. обратилась от ереси монофизитства к Православию императрица Евдокия.

В своей борьбе с арианством свт. Афанасий всегда находил самых верных помощников в лице египетских иноков. Не раз он скрывался у них от своих коварных врагов. Многие преподобные (Макарий Египетский, Макарий Александрийский, Памва, Исидор и др.) за защиту Православия подвергались изгнанию.

Многие представители сирийского монашества были ревностными защитниками православной веры в борьбе с несторианской и евтихианской ересями. Преп. Ефрем Сирий, используя свой политический и литературный дар, обличал дуалистическую и другие ереси. «Глубокое чувство, чистота речи и образность выражения, – все это обеспечивало успех преподобного в его полемической борьбе»².

Неоценимую заслугу оказали монашествующие и их старцы-наставники в борьбе против ереси иконоборчества. Более 120 лет, несмотря на жестокие гонения и мучения, они свидетельствовали об истине Православного иконопочитания. Наиболее известными борцами за веру в

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С.146.

² Ефрем Сирий, преп. Беседы. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003. – С. 38.

этот период были препп. Иоанн Дамаскин и Феодор Студит.

Примеры служения старцев-монахов миру бесчисленны. В разные периоды церковной истории, несмотря на разные условия, в которых им приходилось проходить свой подвиг, подвижники Христовы всегда служили тому великому делу, ради которого Бог сошел на землю – делу спасения людских душ для жизни вечной.

Наличие благодатных дарований считалось среди монашествующих необходимым проявлением правильного подвига. Эти же дары считались необходимым основанием для духовного руководства другими иноками. Опытный подвижник-монах брал под свое руководство новоначальных иноков, становясь для них аввой, духовным отцом, старцем. Условия их совместной жизни позволяли наиболее полно осуществить духовное руководство, а уникальные отношения старца и ученика складывались на основе: 1) личного опыта старца, проявляющегося в обладании духовными благодатными дарованиями; 2) полного доверия и послушания ученика старцу.

Святость жизни монастырских подвижников привлекала и мирян, приходивших для исповеди и совета, с просьбой о молитвенном предстательстве. Частично ими воспринимались и духовно-сыновьи обязанности по отношению к старцу, насколько это было совместимо с их мирским бытом. Суть взаимоотношений духовного отца и духовного сына состояла в добровольном повиновении, опытном руководстве и взаимной любви по Богу.

Духовный отец обычно выбирался свободно самим учеником, но после того как выбор был сделан, ученик принимал на себя ряд обязательств: 1) полной искренности, открытия без утайки на исповеди всех своих слов, дел и даже помыслов; 2) послушание с отвержением своей воли. Ученику предписывалось даже похвальные дела не предпринимать по своей воле. Старец же брал на себя всю ответственность за духовного сына, молитвенно

ходатайствовал за него, испрашивая прощения согрешений, избавления в случаях искушений и скорбей, преуспения в добродетелях. В качестве воспитательных средств авва мог использовать строгость и даже суровость, имеющие целью совершенствование души ученика, сохранение от падений.

Но, истинные пастыри и учителя духовные в среде монашествующих брали пример со святых апостолов и предстоятелей первых христианских общин. А свт. Василий Великий не делал какого-либо заметного разграничения в служении последних и настоятелей монастырей. И на самом деле, различия между пастырями церковными и старцами-монахами часто имели в основном внешний характер, тогда как их всегда объединяло единое служение, на которое Господь указал, сказав Петру: «Паси овцы Моя» (Ин. 21:16). При этом Спаситель указал «на предстояние и попечение, коим подобает быть о стаде Христовом, посредством слова и учения»¹, будь то один или несколько послушников, община прихожан или целая епархия.

Применение к истинным пастырям церковным и монастырским термина «старец» вполне оправдано, потому что этот термин имеет библейское основание и использовался для обозначения предстоятелей и старших членов христианских новозаветных общин. Новозаветное содержание этого термина раскрыто самим апостолом Петром, в его первом соборном послании, как свидетельство о Христе и причастие благодати Святого Духа (1Петр. 5:1-4).

Не случайно потому и преп. Симеон Новый Богослов говорит о том, что «достоинство и власть апостолов есть всеконечно учение, бывающее в Духе Святом»², и только те, кто «подвизаются в молитве и безмолвии, и в учении словом, и упражнении с терпением в добродетели состоят в чине апостолов»³. Высота такого служения определяется не только примером

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 373.

² Там же. С. 453.

³ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 465-466.

святых апостолов, но и Самого Господа Иисуса Христа, ибо «Владыка наш и Бог, желая научить нас, что к Богу приближаться надлежит нам с помощью какого-либо посредника и поручителя, Сам, как во всем прочем, показал нам пример и образец, так и в этом был первым Посредником и Ходатаем человеческого естества, принеся оное в Себе Отцу Своему и Богу»¹.

Первосвященническая молитва Спасителя наиболее выразительно показывает характер посредничества Пастыря, Его предстательства пред Богом за учеников. Истинным Пастырем, в собственном смысле слова, является конечно Сам Господь Иисус Христос, но Он благоволил вверить Своих овец попечительству апостолов и их преемников. После того как Дух Святой снизошел на Св. Апостолов первые христиане жили как одна большая семья, объединенная Божественной любовью и взаимным доверием. Святые Апостолы Христовы поставляли во вновь образующиеся христианские общины пресвитеров, которые являлись духовными отцами для первых христиан. Затем, с оскудением благочестия христианской жизни в миру, появились монастыри, старчество. В женских монастырях известны были старицы, конечно же, не имевшие священного сана, но осуществлявшие полноценное духовное руководство инокинями. Со временем, в зависимости от условий жизни христиан, институт духовничества в Церкви принимал разные формы, но суть его оставалась одна. Все эти формы явились проявлением одного и того же Духа Святого.

Можно сказать, что в старчестве Православная Церковь дала реальный образец благодатного духовного руководства, наставничества. Образ взаимоотношений ученика и учителя здесь строится по подобию отношения апостолов ко Господу Иисусу Христу. Такое происхождение и высота духовнического служения должны стать для священнослужителей Церкви спасительным предостережением от преждевременного и самонадеянного принятия на себя полномочий духовника и ответственности

¹Там же. С. 111.

за души пасомых. В истории Церкви мы видим, что старцы-духовники имели обычно особое призвание на такое служение от Бога, а в святоотеческом учении находим обличение тех, «кто сами собою делают учителями, отцами духовными и руководителями других»¹.

В наше время нового подъема церковной жизни далеко не всем молодым священникам хватает осторожности и трезвости в оценке своих полномочий в области духовного руководства душами христиан.

Священный Синод РПЦ в заседании 28 декабря 1998 года вынужден был иметь специальное суждение «об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью «вязать и решить»², в котором молодым пастырям было указано, что «отношения между духовником и духовными должны строиться на основе взаимного уважения и доверия», была отмечена недопустимость автоматического переноса сугубо монашеского понятия «беспрекословного подчинения послушника старцу на взаимоотношения между мирянином и его духовным отцом»³, вторжения в вопросы личной и семейной жизни прихожан.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II вынужден был посвятить тематике младо- и лжестарчества целое выступление («Подлинный старец бережно относится к каждому человеку»), в котором говорил о таком бедствии, как создание своего рода культа личности священника, младо- или лжестарца, который ведет к пагубному искажению жизни прихода или обители, духовной жизни людей⁴. Таким «пастырям» следовало бы напомнить следующие слова Симеона Нового Богослова: «Когда достигнем полного во всем совершенства, тогда, пожалуй, предадим

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С.66.

² Определение Священного Синода об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью вязать и решить. <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1343>, 12.04.2018.

³ Там же.

⁴ Там же.

себя и на пользу братьев наших не превозношения ради, но чтоб быть рабами всех»¹. Но поскольку грех высокоумия и самомнения часто трудноуловим для подверженного ему, то часто в таких случаях необходимо вмешательство извне, от благочинных и архиереев епархий. По слову митр. Антония Сурожского «недостаточно удовольствоваться просто призывом к людям безответственным или обезумевшим от своего величия. Такие духовники «должны бы подвергаться строгим дисциплинарным мерам. Некоторых следовало бы просто лишить права исповедовать, оставив за ними право совершать Божественную Литургию; никакого духовного руководства они не должны никому предлагать»².

Вполне в соответствии с представленным в данной работе определением, митр. Антоний в своей беседе «Берегитесь, братья мои, священники!», говорит о том, что «старец – это не просто человек, который долго занимался пастырской работой и приобрел какой-то навык и опытность; старец в настоящем смысле – это нечто иное, это благодатное состояние. Старцев не «выделяют», старцы силой Святого Духа рождаются»³. При этом высокопреосвященный владыка выделяет три возможных этапа в служении священника. Низшая – это просто добросовестное совершение церковных таинств. Каждый священник должен помнить, что само по себе рукоположение не дает человеку ни ума, ни опытности, ни духовного возраста. Такой молодой священник может говорить проповеди, делиться своим малым опытом, своими знаниями. Но только с возрастом и опытом он взойдет на вторую ступень, когда будет призван «давать наставление другому о том, как идти от земли на небо». Но и тогда он «должен быть предельно осторожен не должен говорить того, чего он опытно не пережил или. своим нутром не знает»⁴. Более того, священник

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 380.

² Антоний Сурожский, митр. Пастырство. – Таганрог: Изд-во Е. А. Сухова, 2005. – С.58.

³ Там же. С. 61.

⁴ Антоний Сурожский, митр. Пастырство. – Таганрог: Изд-во Е. А. Сухова, 2005. – С. 67.

«должен быть честен», чтобы признаться своему духовному чаду в том случае, когда у него нет ответа на его вопрос, призвать его к молитве Богу о разрешении проблемы¹.

А старчество – это «уровень тех людей, которые, говоря образно, почти всю дорогу прошли до дверей Царствия Небесного, до глубин своей души, где запечатлен образ Божий, и который может говорить из этих глубин»². Старцы – это люди, «которых коснется благодать Святого Духа и которые отзовутся на нее и будут верными тому, чему учит нас Христос, и верными тому, что говорит Дух Святой в их душах»³.

Общий совет священноначалия можно заключить в следующих словах: «берегитесь, священники! Берегитесь, не принимайте на себя роль, которая не соответствует вашему духовному возрасту»⁴, будьте «смиренны и просты»⁵.

Это предостережение – плод того пастырского опыта, который передается из поколения в поколение, как живое церковное предание. Неценима роль послушания в духовной жизни христианина, что признавали и наши замечательные пастыри-праведники, служившие в миру. На их же примере мы видели, что этот духовный путь к настоящему послушанию о Господе может быть основан только на доверии. «Власть над человеком имеет только Господь. Заставлять – это не духовническое»⁶. Человеку требуется время для духовного созревания, а духовник должен быть достаточно опытен, чтобы с помощью Божией знать меру каждого. «Господу нужно свободное склонение нашей воли к Богу, наша ответная любовь к Нему – Его же любовь вечная неизменна»⁷. Он ждет от нас любви по нашему

¹ Там же. С. 67-68.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 74-75.

⁶ Антоний Сурожский, митр. Пастырство. – Таганрог: Изд-во Е. А. Сухова, 2005. – С. 161-162.

⁷ Там же. С. 101.

свободному произволению.

Об этом должны помнить пастыри-священники как в миру, так и в монастырях, которые, по слову преп. Симеона Нового Богослова, «должны быть» сначала «сами учениками Христовыми и добре научиться заповедям Его и таинствам»¹, и только тогда «соглашаться на поставление благодатию Божией в праведные судии, когда освободятся от закона плоти и смерти греховной и исполняться Духа Святого»², чтобы получить власть «учить и восстанавливать расстроившихся Божественным воссозиданием, которое превосходит всякое слово человеческое»³.

Если же священник еще далек от такого совершенства, то ему нужно проявлять особенные осторожность и смирение.

Даже в монашестве, где послушание является первым долгом монаха, духовные руководители должны помнить о примере святых отцов – монахов, которые старались приобрести именно внутреннее, добровольное послушание за счет воодушевляющего личного примера и заботливого воспитания послушника.

Более того, по учению свт. Игнатия (Брянчанинова), «иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное, благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его»⁴. Это изучение по слову святителя приведет нас прежде всего к познанию общего упадка христианства в современном мире и сознанию неспособности «наследовать делание Отцов в полноте его и во всем обилии его». Главная причина тому – отсутствие истинных духоносных наставников. Горе тем «старцам», которые «принимают на себя роль древних святых

¹ Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – С. 454.

² Там же. С. 394.

³ Там же. С.466.

⁴ Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. – М.: «Лучи Софии», 2011. – С.57.

Старцев, не имея их духовных дарований», ибо «самые мысли и понятия их о великом иноческом делании – послушании – суть ложные», а самый образ мыслей и знание «суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими»¹. Отдельные случаи из Патерика, когда вера послушника заменяла недостойнство старца, не являются основанием для того, чтобы «принимать эти события за образец для подражания»².

Взамен древнего делания «промыслом Божиим нашему времени» предоставлено «руководство в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов и братьев»³. Послушание для инока остается главным его делом, но оно «приспособлено к нашей немощи душевной». Иноки призваны пребывать в нелицемерном и нечеловекоугодливом послушании «ради Бога» начальству обители, ее уставу, всем отцам и братьям во всем не противном Закону Божию, но при этом изучать Св. Писание и писания святых отцов и поверять с ними все советы и наставления отцов и братьев⁴.

Тем самым инок подвергается «недоумениям и погрешностям»⁵ и не всегда имея точные указания, должен «с плачем и сердечными воздыханиями» умолять Бога, «чтоб Он не попустил уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле» (его собственной или его ближнего)⁶.

Святитель Игнатий призывает пастырей и учителей занимать скромное место советника, «совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе»⁷. «Совет может быть исполнен и не исполнен.

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 58-59.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. – М.: «Лучи Софии», 2011. – С. 58-59.

⁷ Там же. С. 61.

На советнике не лежит никакой ответственности за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизвольно, а будучи спрошен и понужден. Также и получивший совет не связывается им. Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем»¹.

Об этом же свидетельствовал свт. Феофан Затворник. Святитель всячески призывал христиан к изучению Священного Писания и святоотеческих творений, но, однако, признавая, что теперь «нет настоящих руководителей», он говорил, что «с одним Писанием и отеческими уроками оставаться не следует. Необходимо вопрошение, жизнь во взаимном послушании, со страхом Божиим и молитвою»². Свт. Феофан признавал также, что святоотеческое наследие, совет приходского священника и собеседование с единомышленниками дают «общее руководство» необходимое для духовной жизни христианина³. Старец-руководитель же «нужен для берущихся за великую внутреннюю жизнь»⁴. Для последних, будь они даже из мирских людей, оказывается «не совсем верно» мнение, что «иметь духовного отца, с которым можно о всем советоваться неудобноисполнимо», ибо хотя «ревнители о внутренней жизни во все времена были редки, но всегда были и будут. У тех же, кои начинают болезновать о спасении, появляется чутье, по которому они доискиваются благопотребного отца духовного»⁵.

Однако, к сожалению, не внимая учению святых отцов и не чувствуя того Духа, которым они жили, многие современные лже-пастыри превращают легковерных новоначальных из рабов Божиих в рабов человеческих, привлекая их к творению воли человеческой вместо святой

¹ Там же. С. 61.

² Феофан (Говоров), свт. Наставления в духовной жизни. – М.: Пролог, 1994. – С. 54.

³ Там же. 370.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Феофан (Говоров), свт. Наставления в духовной жизни. – М.: Пролог, 1994. – С.370-371.

воли Божией. Сегодня нередко оказывается потеряна высокая духовная культура общения пастыря и чада, основанная на глубоком знании и понимании святоотеческой традиции духовничества и особенно старческого руководства, умалется любовь Христова, которая могла бы восполнить недостаток духовного опыта.

От каждого христианина, будь он начальствующий или подчиненный, требуется нелегкий духовный подвиг, чтобы, взирая мысленным взором на нашего Искупителя, он смог переоценить себя и понять, «что он ничтожнее не только брата, живущего с ним, но и всякого человека; ибо, сознавая сие, он будет подлинно учеником Христовым»¹. Думается, что Бог будет помогать всем верным Своим рабам, как пастырям, так и пасомым, подавая Духом Святым помощь искренно желающим подражать Самому Господу Иисусу Христу, Который есть единый Истинный Наставник и Учитель, а также единый истинный Послушник, Новый Адам, исполнивший в полноте волю Небесного Отца.

Подводя итог данной главы, можно сделать следующие выводы. На всем протяжении истории Церкви Христовой имеется колоссальное количество примеров подлинных пастырей, которых вполне правомочно назвать «старцами». Применение к истинным пастырям церковным и монастырским термина «старец» вполне оправдано, потому что этот термин имеет библейское основание и использовался для обозначения предстоятелей и старших членов христианских новозаветных общин. Новозаветное содержание этого термина раскрыто самим апостолом Петром, в его первом соборном послании, как свидетельство о Христе и причастие благодати Святого Духа (1Петр. 5:1-4). Однако, в настоящее время наблюдается тревожная тенденция увеличения числа лже- и младостарцев в среде православных священников, вызванная как сознательным, так и несознательным заблуждением данных представителей духовенства. Русская

¹ Григорий Нисский, свт. Большое огласительное слово. – М.: Пролог, 2003. – С.278.

Православная Церковь всерьез обеспокоена данной проблемой и призывает священников проявлять особенные осторожность и смирение. В противном случае данная ситуация может привести к необратимым последствиям как для самого пастыря, так и для его пасомых последователей из мирян, слепо делающих идола из своего духовного отца и по факту образуя вокруг него настоящую секту.

Заключение

Служение Господа Иисуса Христа будет для нас главным и высочайшим примером учительного и старческого служения. Мы постараемся показать, что именно служение Господа всегда было основой истинного духовного отцовства, пастырства и руководства в Церкви. Именно во Христе появилась «возможность человеку принять вновь объединяющую роль, для которой он и был создан»¹. Для этого мы рассмотрим отношение Спасителя к Его ученикам, а также пастырское служение св. апостолов, мужей апостольских и их преемников, постараемся дать определение старчества с точки зрения Евангелия.

Далее будет показано, как смотрели на монашество его основатели и законоположники монашеского образа жизни и как монашеские общины явились продолжением образа жизни первых христианских общин. Мы рассмотрим явление монашеского пастырства и суть взаимоотношений старца-монаха и послушника-ученика. Особое внимание будет обращено на проблемы использования послушником Божьего дара свободной воли и носителей власти «вязать и решить». Мы также проследим отношение старцев к мирянам в их служении миру.

Необходимость жизни христианина, будь то мирянин или монах, в послушании и в духовном руководстве от поставленных Богом пастырей и учителей церковных ярко выражена в Предании Православной Церкви на всем протяжении ее существования на земле. В наибольшей полноте и глубине такое руководство требовалось и могло осуществляться, конечно же, в жизни монашеской, когда старец и ученик жили в тесном единении как во внешнем, так и во внутреннем плане. Более того, сама удаленность от житейской молвы позволяла посвятить большую часть времени науке духовного совершенствования и передаче духовного опыта от учителя к ученику. Этим, по-видимому, нужно объяснить тот факт, что история

¹ Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003. – С. 45.

духовничества в Церкви Христовой так тесно связана с историей распространения и развития монашеского образа жизни, историей монашеского пастырства – старчества.

Подводя итоги данной выпускной квалификационной работы, можно сделать следующие выводы.

Историю феномена старчества можно проследить с самого начала зарождения христианской веры. Данное понятие могло обладать несколькими смыслами, в частности Ветхом Завете и христианстве «старец» могло принимать два значения, часто соединявшихся в одном лице – возраста и должности. Принимая во внимание факт интерпретации данного понятия как духовного лидера и руководителя, можно отметить, что пастырское служение Спасителя, апостолов и других святых отцов Православной Церкви являются эталонными примерами старческого служения.

Старчество как сложившийся институт духовных руководителей получил свое развитие именно в монашеской среде, в которой для него были созданы наиболее благоприятные условия. Важно подчеркнуть, что и старчество, обязанное своим существованием монашеству, благодаря своей пастырской душепопечительной деятельности, помогало монашеству увеличивать количество своих членов. Причем старческое служение не всегда было обусловлено параллельным занятием церковной административной должности. Истинный старец, как духовный руководитель в подвижнической монашеской жизни, должен был сначала сам пройти по тесному аскетическому пути и обладать набором важных атрибутивных качеств и являться особым духовником для человека в Таинстве Покаяния.

На всем протяжении истории Церкви Христовой имеется колоссальное количество примеров подлинных пастырей, которых вполне правомочно назвать «старцами». Применение к истинным пастырям церковным и монастырским термина «старец» вполне оправдано, потому что этот термин имеет библейское основание и использовался для обозначения

предстоятелей и старших членов христианских новозаветных общин. Новозаветное содержание этого термина раскрыто самим апостолом Петром, в его первом соборном послании, как свидетельство о Христе и причастие благодати Святого Духа (1Петр. 5:1-4). Однако, в настоящее время наблюдается тревожная тенденция увеличения числа лже- и младостарцев в среде православных священников, вызванная как сознательным, так и несознательным заблуждением данных представителей духовенства. Русская Православная Церковь всерьез обеспокоена данной проблемой и призывает священников проявлять особенные осторожность и смирение. В противном случае данная ситуация может привести к необратимым последствиям как для самого пастыря, так и для его пасомых последователей из мирян, слепо делающих идола из своего духовного отца и по факту образуя вокруг него настоящую секту.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М: РБО, 2000.
2. Августин Иппонский, блаж. Исповедь. – М.: Лотус-пресс, 2008.
3. Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной восточной Церкви. – Одесса: Типография штаба Одесского военного округа, 1894.
4. Антоний Сурожский, митр. Пастырство. – Таганрог: Изд-во Е. А. Сухова, 2005.
5. Афанасий Великий, свт. Избранные творения. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015.
6. Варнава (Беляев), еп. Пути Промысла Божия. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2009.
7. Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, препп. – Руководство к духовной жизни. М.: Локид-пресс, 2007.
8. Василий Великий, свт. Творения. Т.4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008.
9. Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов. – Н. Новгород: Братство во имя святого князя Александра Невского. 1996.
10. Григорий Богослов, свт. Собрание сочинений. Т.2. – М.: Изд-во П.П.Сойкина, 1994.
11. Григорий Двоеслов, свт. Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. – М.: Сибирская благовонница, 2012.
12. Григорий Нисский, свт. Большое огласительное слово. – М.: Пролог, 2003.
13. Дионисий Ареопагит, свщмч. О Божественных именах. О мистическом богословии. – СПб., 1994.
14. Дионисий Ареопагит, свщмч. О церковной иерархии.

Послания. – СПб.: Алетейя, 2001.

15. Добротолюбие. Т.1. – М.: Сибирская Благовонница, 2010.

16. Евсевий Кесарийский. Церковная история. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013.

17. Ефрем Сирий, преп. Беседы. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.

18. Зарин С.М., проф. Аскетизм по православно-христианскому учению. – СПб., 1907.

19. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. – М.: «Лучи Софии», 2011.

20. Иероним Стридонский, блаж. Толкование Евангелия. – М.: Лучи Софии, 2008.

21. Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 12 т. Т.2. – Почаев: Изд-во Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005.

22. Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Писания. – М.: АСТ, 2000.

23. Иоанн Лествичник, преп. Лествица. – М.: Лествица, 1999.

24. Иринеи Лионский, свщмч. Пять книг против ересей. Обличение лжеименного знания. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008.

25. Исаак Сирий, прп. Слова подвижнические. – М.: Слово, 1993.

26. Исидор Пелусиот, прп. Письма. – М.: Изд-во имени святителя Игнатия Ставропольского, 2001.

27. Каноны, или Книга правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. – СПб.: Общество свт. Василия Великого, 2000.

28. Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна. – М.: Сибирская благовонница, 2011.

29. Климент Александрийский, св. Педагог. – М.: Ставрос,

2011.

30. Климент Александрийский, св. Строматы. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.

31. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 2012.

32. Макарий Египетский, прп. Духовные слова и послания. – М.: Благовест, 2002.

33. Максим Исповедник, прп. Творения. Аскетические и богословские трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и комм. А.И. Сидорова. – М.: Мартис, 1993.

34. Никанор (Бровкович), архиеп. Поучения, беседы, речи. – Одесса: Типография Е.И. Фесенко, 1891.

35. Никита Стифат, преп. Творения. – М.: Луч, 2005.

36. Определение Священного Синода об участвовавших в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью вязать и решить. <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1343>, 12.04.2018.

37. Паисий Святогорец, прп. Письма. – М.: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 2001.

38. Писания мужей апостольских. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008.

39. Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны. – М.: Сибирская благовонница, 2011.

40. Смирнов С.И., проф. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2003.

41. Трифон (Туркестанов), митр. Духовное восхождение. – М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012.

42. Феодор Студит, преп. Послания. – М.: Приход храма

Святого Духа сошествия, 2003.

43. Феофан (Говоров), свт. Наставления в духовной жизни. – М.: Пролог, 1994.

44. Филарет (Дроздов), свт. Слова и речи. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2003.